

«Не нужно долго думать. Просто открои эту книгу на рассказах, – не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй».

Алексей Сальников,
писатель

МАРТА
АНТОНИЧЕВА

1003-И
Свободный
человек

Марта Антоничева

1003-й свободный человек

«ЭКСМО»

2021

Антоничева М.

1003-й свободный человек / М. Антоничева — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116305-1

В рассказах Марты Антоничевой все связано: мрачное будущее – следствие цифровой реальности и не изжитых еще 90-х. Заслуживает ли человек спасения, или он обречен? Каждый рассказ – лаконичный, но неожиданный ответ. Тот, кто пройдет этот лабиринт за автором до конца, станет другим человеком. «Дорогой читатель! Не нужно долго думать. Просто открой эту книгу на рассказах „Мишурा из фантиков и оберток“, „Руководство к действию“, „I love you“. Не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй», — Алексей Сальников, писатель. «Люди — странные существа. Мы настолько свыклись с этим, что перестали замечать. Книга Марты Антоничевой — не только предупреждение о том, насколько болезненно и абсурдно обыденное существование, но и напоминание, что за всеми нашими причудами скрывается ищущая выход наружу, к свету, человечность», — Сергей Морозов, литературный критик. «Книга Марты Антоничевой — это интереснейший гибрид шершавого, бытового реализма, посвященного в мелкие затруднения и привычки обычного современного человека, и фантастики, подкручивающей этот невзрачный быт до экзистенциальной метафоры», — Валерия Пустовая, литературный критик. «В рассказах Марты Антоничевой от необычного до жуткого — один шаг. Это шаг из зоны комфорта в область странного и заставляющего тревожно задуматься — и, может, понять очень важное», — Шамиль Идиатуллин, писатель.

ISBN 978-5-04-116305-1

© Антоничева М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Отзывы	7
Инопланетянка	8
Тысяча третий свободный человек	13
Ну же, Бог	16
Совпадение	20
Тамагочи	24
Лучше не знать	27
Разговор с человеком	31
Мишурा из фантиков и оберточ	34
Кусок пластика	38
Руководство к действию	44
Уютная и комфортная жизнь	49
I love you	54
Все включено	60
Кража	64
Иисус спасает всех	68

Марта Антоничева 1003-й свободный человек

Отзывы

«Дорогой читатель! Не нужно долго думать. Просто открай эту книгу на рассказах «Мишура из фантиков и оберток», «Руководство к действию», «I love you», – не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй».

Алексей Сальников, писатель

«Люди – странные существа. Мы настолько свыклись с этим, что перестали замечать. Книга Марты Антоничевой – не только предупреждение о том, насколько болезненно и абсурдно обыденное существование, но и напоминание, что за всеми нашими причудами скрывается ищущая выход наружу, к свету, человечность».

Сергей Морозов, литературный критик

«Книга Марты Антоничевой – это интереснейший гибрид шершавого, бытового реализма, посвященного в мелкие затруднения и привычки обычного современного человека, и фантастики, подкручивающей этот невзрачный быт до экзистенциальной метафоры».

Валерия Пустовая, литературный критик

«В рассказах Марты Антоничевой от необычного до жуткого – один шаг. Это шаг из зоны комфорта в область странного и заставляющего тревожно задуматься – и, может, понять очень важное».

Шамиль Идиатуллин, писатель

Инопланетянка

Они снова поругались, на этот раз после выхода из кино. Алисе фильм не понравился, а Никита, наоборот, как будто нашел там давнее подтверждение своих мыслей. В нем инопланетянка перевоплощалась в женщину и околдовывала мужчин, гипнотизировала, и те теряли остатки воли. После высасывала все соки, оставляя лишь полупрозрачную оболочку.

– Как это на тебя похоже, – шепнул во время просмотра Никита и кинул в Алису попкорном. Попал прямо в глаз, больно.

В finale инопланетянка превратилась в женщину, то есть дала-таки слабину, и это стоило ей жизни.

Алиса весь фильм зевала и оживилась, только когда зажегся свет. Никита же словно врос в кресло и долго сидел с отрешенным видом при свете перед титрами, бегущими вверх по широкому экрану.

Когда пришли домой, он спешно собрал вещи и ушел.

– Ты даже не догадываешься, насколько точно выбрала фильм.

– О боже, – проворчала Алиса и закрыла дверь. Пусть катится к чертям. В конце концов, они виделись от силы полтора часа в день, между работой и сном, и чаще всего либо молчали, либо ругались. Надоело.

Чтобы немного выпустить пар и окончательно избавиться от малейшего намека на присутствие другого человека в доме, Алиса затеяла уборку. Результат порадовал: без Никиты квартира выглядела гораздо аккуратнее.

На кухонном столе не валялись грязные салфетки, ложки, черновики и блокноты, в которых он постоянно рисовал наброски работ, а после разыскивал по всем углам.

В туалете никто не оставлял задранным сиденье, в спальне вещи лежали на своих полках, а не на полу, как обычно, или не комом в шкафу. Постель была заправлена так, словно никто никогда не валялся на ней, раскидывая чипсы.

Квартира выглядела идеально, как нежилая.

Несколько дней Алиса приходила в себя, возвращаясь в привычное состояние одиночества, когда не нужно торопиться домой, можно спокойно идти с работы пешком, осматривая окрестности.

Как-то вечером она заметила стопку книг, сложенную аккуратно, как по кирпичику, рядом с мусорными баками у дома. Это был не привычный макулатурный хлам, вроде многотомников Дюма на желтой бумаге или нескольких частей «Анжелики» вперемешку с рваными книгами о ВОВ.

Среди множества изданий классики для школьников и разрозненных томов Достоевского Алиса нашла пару альбомов по искусству, а также несколько редких изданий. Оставить их на улице она не могла.

Дома Алиса протерла твердые переплеты тряпочкой, прежде чем поставить книги на полку. Начала задумчиво листать свои находки. Из одной книги выпал конверт. Незапечатанный. Внутри лежало несколько писем, одно было разорвано на части. Алиса прочитала их по порядку несколько раз.

Первое письмо было написано ровным, округлым почерком, в конце стояла красивая подпись, напоминавшая старинный вензель.

«Милая, дорогая, недостижимая Людмила!

Я полюбил в последнее время закрывать глаза и мечтать. Так, словно по мановению волшебной палочки можно сразу погрузиться в воспоминания, представить нашу последнюю встречу. Вернуть ее и проиграть снова и снова.

Жизнь без Вас кажется тоской, которой нет оправдания. Да и все, что есть в ней, интересно мне только в связи с Вами, остальное кажется ничтожным и ненужным.

Как я устал таиться и прятаться от всех под личиной жесткого и даже злого человека. Я ведь не такой, Вы знаете это, только Вы... Как я хочу снова побыть рядом с Вами, подле Вас, хотя бы минуту!

Каждый час без Вас подобен смерти. Кажется, я оживаю, только когда слышу Ваш голос, вижу Вас или могу представить Вас в своем воображении. В остальное время я словно в дурном сне, и жизни без Вас нет.

Когда имею счастье увидеть Вас снова? Когда Вы соблаговолите раскрыть передо мной свои объятия? Впустить меня к себе, чтобы я мог раствориться без остатка, исчезнуть, прощать?

Расстались всего час назад, но я хочу снова вернуться к Вам, оказаться в этом потоке сияющего света, что исходит от Ваших волос... Ах, Люда, что же Вы со мной делаете!

Ваш преданный Виктор».

Во втором письме буквы были более угловатыми, казались составленными из ломаных палок. Ближе к правому краю строки постоянно норовили взлететь вверх, закругляя каждое предложение в невольный вопрос.

«Люда, прошу тебя, прочти письмо до конца.

Снова я сижу в одиночестве, а тебя все нет и нет. Что изменилось? Только голова болит сильнее с каждым днем.

Ты во всем права. Знаю, ты хочешь как лучше, но я так не смогу. Стоило прикоснуться к тебе однажды, как я перестал думать о ком-то другом. Больше никого не вижу.

Ты – мой маячок, который вот-вот погаснет, и я останусь один в темноте. Ведь жутко так, Люда.

Я смогу прожить и дальше, и ничего с собой не сделаю, не хватит сил. Но чего стоит такая жизнь, ведь весь ее смысл – воспоминание о времени, проведенном с тобой. Получится растянуть его до конца своих дней?

Что мне делать, когда встречу тебя на улице и не смогу приблизиться, хотя бы посмотреть прямо в глаза? Пройти мимо?

Люда, пожалуйста, не разменивай меня на прости-прощай. Что произошло, скажи мне, скажи! Ты ни слова не написала мне.

Завтра не приду. Но жду тебя каждый четверг в наше время в 17-м номере «Спутника».

B.».

Третье письмо было разорвано, Алиса разобрала только отдельные фразы: «я один», «ты не пришла», «все кончится», «не получается, как все», «я больше не стану».

Она покрутила конверт. Вместо обратного адреса был указан абонентский ящик. Конверт и письма сильно пожелтели – непонятно, то ли от лет, то ли от долгих часов на солнце. Она положила их на стол, спешно оделась и вернулась к мусорным бакам. Там ковырялись бомжи, заныривая все глубже, словно ловцы жемчуга.

Книг осталось меньше, но несколько еще лежало на земле. Алиса перелистала страницы каждой. Бомжи с интересом и пониманием посматривали на симпатичную девушку, как на новенькую в команде.

– Че, заначку поселяла? – участливо спросил один, с опухшим лицом в шишках и бурых пятнах.

Алиса была слишком сосредоточена на поиске и не услышала вопроса. Бомж подошел, с силой оттолкнул девушку и принялся перелистывать страницы оставшихся книг.

– Васильич, че за дела? – другой заинтересовался возней и отошел от баков.

– Да заначку вон поселяла. Мошт, мне свезет.

Алиса наконец расслышала слова мужчин. Она словно вынырнула откуда-то с глубины на поверхность, оглядела себя, отряхнулась и пошла домой. Бомжи, посмеиваясь, продолжали копошиться возле книг.

Алиса заварила кофе, выпила несколько чашек. Чтобы отвлечься, зашла в фейсбук, зачем-то почитала последние статусы Никиты. После расставания он пустился во все тяжкие, как будто старался наверстать упущенное, и едва ли не каждый день зависал на новой вечеринке. Фотографий на странице прибавилось много. Выглядел он не очень.

Алиса немного отстраненно наблюдала за его приключениями, словно в полглаза смотрела не очень интересный фильм в надежде на непредсказуемый финал.

Письма лежали рядом с ноутбуком. Она попыталась представить Виктора – и не могла. Никита никогда не писал ей не то что писем – даже смс. Только «потом поговорим», «перезвони мне позже». Но всегда выслушивал. По крайней мере, поначалу.

На следующий день Алиса отпросилась с работы, села в автобус и поехала в гостиницу «Спутник». В городе была только одна с таким названием, она заранее проверила в гугл-картах. Ехать пришлось долго, а после почти столько же идти через частный сектор, оплетенный бельевыми веревками, залитый лужами мочи на выездах из двора, заросший палисадниками и пропахший насквозь рыбным супом и луковой поджаркой.

«Спутник» оказался шестиэтажным домом, сильно пострадавшим от перепадов температур и времени: кипельно-белые пластиковые окна словно с силой вдавили в потрескавшиеся серые проемы.

Хозяйка с железным утюгом в руках не торопясь вышла навстречу откуда-то из глубины необъятной комнаты, служившей одновременно приемной и кухней.

– Мне бы номер снять, – замялась Алиса.

– Свободны только двухместные, – произнесла хозяйка, окая и растягивая слоги. На ее бейдже было написано: «Она», и пока до Алисы дошло, что это имя, женщина, не дожидаясь ответа, вернулась к столу с кучей белья и продолжила глажку.

В продавленном кресле у стола сидел мужчина средних лет в шортах и без футболки. Грудь его была больше, чем у Алисы, но он совершенно этого не стеснялся.

Мужчина завтракал, положив ногу на ногу: одна была чем-то вроде столика, на котором лежал бутерброд с маслом, вторая – упором. В правой руке он держал вареное яйцо и постукивал им по стене, чтобы избавиться от остатков скорлупы. Улыбнулся Алисе, обнажив несколько золотых зубов.

– Меня интересует 17-й, – произнесла Алиса погромче в сторону женщины.

Хозяйка сказала что-то мужчине, кажется, по-эстонски. Тот медленно приподнялся, рассыпая вокруг себя скорлупу, как конфетти, встал и ушел, почесывая спину, перед этим заглотив яйцо и бутерброд так быстро, словно те только привиделись Алисе.

– Вы знаете, что он двухместный? – протяжно уточнила хозяйка и переложила белье на кресло. Затем достала амбарную книгу, куда записывала информацию о новых постояльцах, и вынула ручку из широкого кармана передника.

Комната оказалась небольшой и вытянутой, как школьный пенал. В ней с трудом помещались двухместная кровать, узкий шкаф и небольшой стол. Алиса положила на него ноутбук и легла отдохнуть.

Ее разбудил монотонный стук: в коридоре мальчишки играли в футбол и мяч ударялся о стены и двери номеров, отскакивал и летел дальше.

На минуту стук прекратился. Алиса взглянула на дверь, еще до конца не проснувшись. Возле замка зияла дыра размером с крупную монету. Она приподняла голову и заметила, что из этого отверстия за ней следит темный глаз.

Когда она открыла дверь, на пороге стоял мальчик лет десяти.

– Даров, – сказал он без всякого смущения. – Я – Филипп. Ромчик за мячиком на лестницу убег, ща придет. Ты новенькая? Как звать? Чья, Мирона, Лешика? Уже купила таз? – он осыпал ее вопросами так быстро, что Алиса не успевала переключаться.

– Как это, чья? – не поняла она. – Ничья, наверное.

Мальчик глянул Алисе за спину и хмыкнул:

– А таз зачем?

– Смотри, короче, если надолго тут, то без таза никак, – по-хозяйски заметил Филипп. – А, это еще, дверь крепко закрой, ладно? Дядька мой пить пошел, так что по-любому Таньку к вечеру лупить вернется. И хахалю своему скажи, зашел чтоб. В общем, я всех на этом этаже предупредил, пока! – И он убежал к другу, который стучал мячом дальше по коридору.

Закрытое окно за время ее сна накалилось от жары настолько, что дышать в комнате стало нечем. Алиса распахнула его, и вместе с горячим воздухом к ней ворвался уличный шум: гомон птиц, стук отбойного молотка со стройки неподалеку, крики материающегося мужика у дверей гостиницы.

Прохладнее не стало, кондиционера в номере не было, как и туалета с душем. Алиса отправилась на их поиски. Туалет нашелся сразу, общий на этаже и весь загаженный. Про душ пришлось отдельно спросить у хозяйки.

Та отвела Алису в плохо освещенный подвал и махнула рукой в сторону металлических ограждений, к которым, кажется, никто не прикасался лет двадцать.

– Душ работает строго с 8 до 10 утра, – сказала Она и ушла, оставив Алису одну разглядывать двойную цепь в ржавчине.

Идея с тазом показалась разумной, но она не собиралась оставаться тут надолго. Алиса вообще не понимала, зачем въехала в этот номер. Гостиница манила. Казалось, стоит только попасть в нее, сразу станет ясно, почему она сюда стремилась.

Днем Алиса тщательно осмотрела номер, словно проходила сложный квест, – каждый уголок, каждую щель. Нашла несколько волос разного цвета, засохший презерватив, пару карточек с истекшими скидками, телефон неизвестной Анжелы на спичечном коробке, черную и золотистую заколки-невидимки и инициалы на стене рядом с кроватью – К.М., а рядом год – 1986.

Номер был двухместным только номинально: с одной стороны кровати из матраса торчала пружина, а сразу после пролегала вмятина, так что вдвоем на ней спать не получилось бы никак.

Шкаф покачивался при каждом ее шаге, норовил упасть плашмя и угробить, поэтому Алиса обходила его особенно аккуратно, на цыпочках. Розетка рядом со столом коротила, так что для подзарядки ноутбука она сходила пару раз в кафе неподалеку. О вай-ффе можно было только мечтать.

Филипп оказался прав: вечером раздались крики прямо на ее этаже. Мужчина орал, крушил все в комнате и избивал женщину, которая активно звала на помощь родных и близких, но никто не отзывался.

Алиса плотно закрыла дверь. Выключила свет. Спряталась как можно дальше от входа – на подоконнике. На всякий случай отвернулась от двери и смотрела в окно, но вслушивалась, дрожа, в крики в коридоре.

Они продолжались порядка часа. Судя по звукам, у ссоры был повторяющийся сюжет. Началось все с обвинений в измене, после посыпались упреки в лени и нерасторопности, затем мужчина начал раззадоривать себя, перечисляя имена знакомых, с кем могла изменить жена.

Та же вместо того, чтобы молчать, не просто провоцировала его, но буквально напрашивалась на драку.

Затем полетели предметы. По ударам о стены легко было различить, какие хрупкие – разлетались с легким треском, почти шелестом, а какие тяжелые – просто падали на пол с гулким стуком.

Алиса инстинктивно вжалась в проем подоконника. Несмотря на то что стекло сидело в раме не плотно, к тому же – пятый этаж, это местоказалось самым безопасным в комнате.

Внезапно, после очередного гулкого удара о стену, Алиса услышала смех. Сначала тихий, переливчатый женский, затем громкий, низкий мужской. Голоса сталитише, а разговор интимнее, голос женщины звенел, как колокольчик на ветру, мужчину было не разобрать. В один момент Алиса отчетливо услышала радостное: «Отпусти, голова закружится», и вскоре все стихло.

Затем из уличной темноты появилась полицейская машина в огоньках, как новогодняя елка. Из нее выбежали двое крупных мужчин в форме и тяжелыми ботинками загремели по лестнице.

Закричала женщина, кажется, та, кто пару минут назад радостно смеялась. Ее «Не имеете права!» и «Мы вас не вызывали!» потонули в оре полицейских, послышались удары, возня. После двое в форме снова показались на улице. Они вели дядю Филиппа в наручниках.

Лицо его было веселым. Он поднял голову, кажется, жена окликнула из окна. Встретился глазами с Алисой, улыбнулся ей. Полицейские заломили мужчине руки, ударили его головой о крышу машины, запихнули внутрь и уехали под визг мигалок.

За стеной послышался хруст: кто-то мел пол и убирал разбитую посуду. Из коридора донесся звук шагов, стук в дверь, а затем хозяйка гостиницы спокойно сказала кому-то, что еще одна такая драка и она выселит «их табор на помойку».

На какое-то время все словно замерли, затаились. Казалось, жильцы обдумывали угрозу хозяйки, но привычки возобладали, и жизнь потекла своим чередом. Кто-то поставил чайник, раздалось бульканье, а потом характерный щелчок. После по коридору затопало множество ног, и, как раньше, открывались и закрывались двери, где-то включили телевизор, запахло едой.

Алиса хотела написать о произошедшем в фейсбуке, но решила не привлекать к себе лишнего внимания. Да и не поверит никто. Достала из сумки письма и еще несколько раз их перечитала.

Утром Алиса выписалась из номера и поехала домой.

Письма оставила в гостинице, на подоконнике. Еще ночью решила, что, наверное, в этом и заключалось ее предназначение – вернуть их обратно. Они были частью гостиницы, ее историей.

После сразу почувствовала себя гораздо комфортнее. Письма, как и воспоминания о прошлой ночи, только тяготили ее. Алиса с радостью вернулась к привычной жизни, где с ней никогда не приключилось бы ничего подобного.

Тысяча третий свободный человек

– Придется съесть ее, если хочешь выйти отсюда. Таков закон: убил – съешь.

По словам адвоката, Алексею очень повезло. Буквально год назад за то же самое ему светила бы только пуля в затылок. Сейчас появилась возможность остаться в живых. Всего-то пару деталей. Вам интересно?

Он подсел поближе. Ворот розовой рубашки украшал значок, на нем вилка проныкала насеквоздь жирный кусок мяса.

– Все из-за моды на заморозку голов. Каждый теперь решил, что будет жить вечно, – продолжил адвокат.

По крайней мере, он так считал. Теперь в делах об убийствах, особенно в случае Алексея, предлагалось два варианта развития событий, на выбор осужденного: либо привычный вышак, либо…

Тут он стал говорить немного тише и отстраненнее:

– Либо вам придется съесть 5% тела жертвы за трое суток.

– Чего? – такого поворота Алексей не ожидал.

– Пять процентов тела, – медленно, словно дегустируя каждую букву, повторил адвокат.

Его рот при этом немного подергивался влево.

– Труп, что ли, жевать? – переспросил осужденный.

– Да, – ответил адвокат. – Сырой, – зачем-то уточнил еще он.

После стал сбивчиво нести совершенную околесицу: мол, Лехе еще повезло, если бы он убил ребенка до пяти лет, то пришлось бы съесть его целиком, от пяти до двенадцати – половину, и только если убитому исполнилось больше двенадцати лет, положено съедать всего пять процентов тела.

– А если утопленник? – непонятно зачем поинтересовался Алексей.

– Тогда бы вам очень не повезло, – заметил адвокат. – Зато вы не представляете, как сильно упала статистика убийств на воде, – он как будто даже тихонечко хмыкнул, но постарался замаскировать смешок под кашель. – Так вы согласны?

Адвокат еще раз повторил условия договора: Алексею предстояло провести три дня в камере с телом жертвы и в течение этого срока съесть 5% тела. Если все пройдет как надо, он окажется на свободе.

– Есть небольшие ограничения – вы не сможете выезжать за границу и работать с детьми, но ценой тому свобода. СВОБОДА! – В finale адвокат почти перешел на крик, капельки слюны из рта разлетались во все стороны, словно победный салют. – Вы согласны? – И, не дожидаясь ответа, сунул Алексею под нос кучу листков и ручку: – Подписывайте бумаги. Тут, тут и тут. За вами придут.

Получив все необходимые закорючки, адвокат резко вышел, захлопнув дверь камеры и оставив его одного.

На следующий день Алексея раздели догола, помыли и отвели в плохо освещенную камеру, в углу которой лежал труп без головы. Койки не было, туалета тоже. С него сняли наручники, и охранники молча ушли, не отвечая ни на один вопрос. Железная дверь захлопнулась. Пол был холодным.

На стене висели электронные часы, которые отсчитывали оставшееся время.

– Ну, привет, Галя, – поздоровался Алексей с трупом.

Присел рядом и прикоснулся пальцами к туловищу. Оно было прохладным и очень гладким, как будто мраморным. Алексей не мог представить, как его грызть, раньше он только

обнимал и целовал это тело. Сел в другой угол камеры и закрыл глаза. Не мог понять, зачем он вообще на это согласился.

Однажды в отпуске они попали на незнакомый пляж. Галина предложила купаться по очереди, боялась, что украдут сумку, там лежали фотоаппарат и телефон.

Он заплыval далеко, и холодное течение скручивало ноги, словно тянуло на самую глубину. Страшно не было, хотелось плыть дальше, туда, где белый пароход проходит под мостом и скрывается за его тенью.

Алексей почти доплыл, пока не услышал оглушительные крики. Вдалеке парни прыгали с моста в воду. Он посмотрел в их сторону: как только один коснулся телом воды, то, как марионетка из сувенирной лавки, резко дернулся, обвис, как будто сломался, и пошел ко дну. То же самое произошло со вторым, – словно кукловод отпустил крестовину с веревкой.

Сверху кричали, и третий бросился на помощь друзьям. Позвоночник парня хрустнул от удара об воду, голова запрокинулась набок. Алексей увидел, как за долю секунды тело стибается под неестественным углом, и, кажется, даже услышал этот треск ломающегося льда, после которого дышавший, здоровый человек превратился вдруг в пустую оболочку.

Галина махала руками на берегу, на плече висела сумочка. Отчаявшись, она подняла полотенце и решила использовать его как флаг. Вскоре песок попал в глаза, она зашла в воду и начала умываться одной рукой, а другой продолжала махать: возвращайся.

Алексей поднял голову. Тело так и лежало в дальнем углу камеры. Подошел. Это мог быть кто угодно. Перевернулся. Узнал Галю по родинкам: под пупком они располагались в виде треугольника. Вспомнил, как в шутку жена сказала, что по ним будет проще всего опознать ее после аварии.

Попытался приподнять ногу, трупное окоченение вроде прошло.

Стоя жевать как-то нелепо. Что же теперь, сидя грызть мясо, как собака?

В течение дня охранники сунули в окошко только две полторашки воды в пластике, еды не приносили. Одну он успел выпить и использовал тару для малых нужд, вторая пока стояла нетронутой.

Интересно, 5% – это сколько? Допустим, она весит 70 кг, без головы пусть будет 65. Делим на 100, умножаем на 5, выходит 3 с лишним кило. В день по килограмму, вот почему еда не предусмотрена, разумно. Что ж, пора начинать.

Ночью не мог заснуть: лампа над трупом издевательски мигала. Казалось, вот-вот и потухнет. Через несколько часов она отключилась на минуту-другую, но снова зажглась, свет стал слабее.

Алексей пытался погрызть зад, в какой-то момент представил себя со стороны, рассмеялся, выпил немного воды и сел у стены на корточки. Возможно, отключился на пару часов. Он перестал следить за временем.

Два года назад у Гали нашли рак. Он затронул те очаги мозга, которые врачи сочли неоперабельными. Срок поставили полгода, протянула она гораздо дольше.

– Я не хочу возрождаться с раком в голове, – повторяла жена в те дни. – Не хочу жить с постоянной головной болью, вспышками мигрени, падать в обмороки. Страдать бессонницей, забывать, что делала утром, вчера. Отпусти меня, пожалуйста.

Алексей старался ее переубедить. Ведь придумали способ, как проснуться потом, без боли, без страха, как житьечно. Он знал, это неправда, просто хотел сохранить ее голову, вдруг еще есть шанс.

Врач только пожал плечами: Галя была права, если она и проснется после, то только с раком.

– Отпусти меня, – просила Галя. На самом деле требовала большего: чтобы Алексей помог ей уйти, самой было страшно. Перебирали разные способы. Она отказалась от веревки – негигиенично, от таблеток – непредсказуемо, от огнестрельного оружия – был шанс промахнуться, от крыш – вдруг дети увидят, от воды – не хотелось разбухать и превращаться в корм для рыб.

Теперь она – корм для Алексея.

Прошли сутки, надо было что-то решать.

Грызть начал на этот раз со спины, впиваясь зубами в холодную плоть. Старался не жевать, а сразу глотать. Вырвало непережеванными кусками. Воды пока не приносили. Лампочка, мигнув на прощанье, окончательно потухла. Алексей постучал в стену, позвал дежурного, но никто не откликнулся. Где-то на потолке моргнула красным камера слежения.

Приходилось двигаться на ощупь, свет от часов не помогал – были видны только контуры трупа. Это напоминало камеру флоатинга, куда он ходил с женой в прошлой жизни: маленькая комната, внутри – здоровенный ящик. Забираешься в него, а там – вода с регулируемой температурой и темнота. Сверху ящик накрывают крышкой и оставляют тебя в невесомости плавать в тишине, иногда включают музыку. Говорят, помогает расслабиться и сконцентрироваться.

Здесь, рядом с трупом, на холодном полу, без еды и воды, было о чем поразмышлять. Алексей подтянул Галю за ногу и продолжил грызть. Воду так и не принесли.

На третий день дверь открылась, лучи яркого света ослепили Алексея до боли в глазах. Он попытался встать, но поскользнулся на моче и шлепнулся обратно в лужу. Голый, замерзший, перемазанный в собственных фекалиях, подошел к охраннику и улыбнулся. Потом встал на четвереньки, дополз до трупа, отгрыз кусочек и сожрал, тщательно пережевывая.

– Я знал, что вы справитесь, – услышал сверху голос адвоката, который хотел подойти, но, начав опускать носок кожаного ботинка на пол камеры, заметил, что тот полностью залит мочой, отдернул его, поморщился и продолжил стоять в проеме широкой металлической двери.

– Поздравляю вас, – произнес адвокат громогласно. – Теперь вы – свободный человек!

Алексей прыгнул на него, попытался откусить ухо, но получил кулаком в висок от охранника, отлючился и упал.

– Почему они всегда рвутся именно к ушам? – недоуменно заметил адвокат, отряхиваясь. Дал знак охраннику, и тот добил Алексея несколькими точными ударами дубинкой в висок. – И никогда, никогда не читают, что написано в договорах мелкими буквами, – продолжил он уже устало, выковыривая непонятно откуда взявшуюся грязь из-под идеально отполированного ногтя.

– Тысяча третий. Готовьте печь, – произнес он, глядя в камеру слежения, и вышел.

На полу лежал худой, голый, мертвый мужчина и здоровенный кусок мяса, отдаленно напоминавший человеческое тело. Охранники унесли трупы, за ними пришли уборщики и стали отдраивать помещение, чтобы вскоре принять нового посетителя.

Ну же, Бог

Андрей очень любил работу и совсем не любил жену. Первая придавала ощущение собственной значимости, вторая – напрочь лишала. Особенно когда орала матом что есть мочи по телефону, а Андрею было некуда спрятаться от сотрудников.

Слабость он сделал отличительной чертой, переняв привычку жены, по которой его сразу узнавали журналисты, – рано или поздно Андрей начинал орать матом на подчиненных. Он был главным редактором службы новостей, и его ругань приходилось терпеть, как бесконечно сверлящего соседа или сварливую тещу.

На работу он приходил первым, клал на стол небольшую кожаную сумочку, которую носил под мышкой, доставал телефон. Тот был надежно упакован в чехол с крышкой, и, каждый раз перед тем, как принять звонок, Андрей небрежно, мизинцем, откидывал ее.

Набирал знакомого начальника в прокуратуре и принимался, как он это называл, «трещать». Треск продолжался в течение часа-полутура, после чего Андрей орал на подчиненных, успевших уже прийти на работу, но еще до конца не проснувшихся.

В его действиях прослеживалась некая преемственность: если Андрея будили вопли вечно недовольной жены, то подчиненных будил он сам. С матерком и удовольствием. После этого спокойно заваривал кофе и обсуждал свежие сплетни с бухгалтером.

Его чашка почернела изнутри и напоминала заброшенный колодец, но никто не предлагал и не советовал Андрею помыть ее, да и он никому не давал к ней прикасаться. На чашке было написано: «Сочи+93». Андрей, который любил отдохнуть и после сто раз показать и рассказать, как проходил его отпуск, с кем он познакомился и что там приключилось, ни разу даже не упомянул об этом событии и городе.

Знала о нем коммерческий директор Алена, но она редко пересекалась с тех пор с Андреем, хотя замечала его машину у своих окон и пару раз сталкивалась с ним, когда Андрей вроде как ненароком приходил на прием именно к ее будущему мужу-стоматологу – то полечить зубы, то почистить эмаль, то избавиться от камня.

В этот день все началось как обычно – с болтовни Андрея, которая длилась около полутора часов. Он успел выпить кофе, выкурить несколько тонких, ароматизированных сигарет с ментолом, поскандалить с дворником («Хватит кормить голубей! Они срут мне на окно, прилетают и прямо на подоконник срут!»), когда из отдела рекламы прибежала всполошившаяся помощница Алены.

Девушка принесла телефонную трубку и быстро сунула ее Андрею. Оказалось, жена не могла до него дозвониться по мобильному. Номер отдела рекламы висел на сайте, она набрала его почти наугад и успела застать мужа, пока тот не ушел на очередную пресс-конференцию.

– Срочно тащи свою задницу домой, – велела жена и повесила трубку, она всегда так делала. Андрей объяснял поведение жены синдромом начальника и где-то в глубине души даже оправдывал ее, ведь он копировал ее поведение с подчиненными, и это доставляло ему удовольствие. Но не в тот день.

Он раздраженно сел в машину, ожидая очередной выходки. Вроде той, когда заказанные в салоне итальянские шторы оказались короче, чем окна, и жена изодрала их от злости в клочья. Пришлось возвращать их в таком виде в магазин и врать, что это сделала собака, хотя никакой собаки у них не было – жена не позволяла завести даже рыбок.

Дом был словно после ограбления: кресла перевернуты, кругом – беспорядок, тишина и никого. Он зашел в спальню, там отчетливо пахло блевотиной, постельное белье было снято и валялось комом на полу. На кровати лежали жена и сын Андрея. Сын тихо скулил.

– Заблевал всю кровать, фонтаном, – констатировала очевидное жена.

Решили вызвать платного врача («Ну не «Скорую» же», – сказала жена), но перед этим сдать кал и мочу. Принялись звонить во все клиники, Андрея начало трясти. До этого сын болел только один раз – в два года переел мороженого. Жар длился пару дней, за которые Андрей успел частично поседеть: из-за повышенной температуры сын кричал во все горло. К новому повороту Андрей был не готов.

Во всех клиниках требовалось присутствие ребенка, никто не хотел приезжать на дом, чтобы забрать анализы. В какой-то из больниц даже сослались на один из законов, номер которого Андрей все равно не запомнил.

Жена начала истерить. Решили повременить с анализами и хотя бы вызвать врача. Было уже поздно, и платную бригаду в это время согласилась прислать только одна клиника, но завтра утром, а не сегодня.

– Если что-то срочное, вызывайте «Скорую», – произнес безликой женский голос в трубке. – Я вас записываю на утро?

Андрей утвердительно кивнул и еле слышно прошептал: «Да». Он уже был готов вызвать кого угодно – хоть «Скорую», хоть шаманов или цыганку с соседней улицы: сына безостановочно рвало и поносило, и это пугало Андрея сильнее и сильнее. Но жена велела дождаться утра.

Ночью спать не удалось: жена продолжала истерить и звонить своим родственникам. Через некоторое время приехали ее мать и отец, после – сестра с женихом, хотела даже подъехать бабушка, но ей запретили.

Сына так же рвало и поносило, и он безостановочно плакал. Андрей находился рядом с ним: вытирая пот с горячего лба, блевотину с подбородка, относил помыть в ванную, повторял какие-то успокаивающие фразы о том, что скоро боль пройдет и будет хорошо, но постепенно меньше и меньше верил в это сам – из сына словно уходило все живое.

Лицо его быстро осунулось, посерело, глаза запали, более отчетливо простили круги под глазами. Сильнее всего Андрея пугал понос: черная слизь, которая текла и текла и не заканчивалась.

Поначалу его даже развеселило, когда сына пропоносило прямо на дорогущий белый ковер, который жена привезла из какой-то жаркой страны, где отдыхала с подругой. Но после, когда сын стал все меньше походить на себя и залил черным поносом всю комнату, Андрей испугался.

Он сел за рабочий компьютер жены и начал гуглить симптомы. За спиной маячили родственники, озвучивая самые жуткие варианты. Ему были неприятны их слова и присутствие в доме чужих, случайных людей (ну что здесь забыл жених сестры, кроме любопытства и лицемерного желания угодить dame сердца?), которые мешали ему собраться с силами и перестать стучать пальцами по клавиатуре, пряча предательски трясущиеся руки.

Андрей вспомнил, что в заначке есть немного коньяка с кофе, спрятался от всех в туалете и тихонько, за пару минут, прикончил всю флягу. После этого спать не хотелось совершенно, и сердце забилось так быстро, что казалось, через несколько секунд остановится навсегда, отсчитав заранее все уготованные на будущее удары.

Постепенно в атмосфере всеобщего невроза наступило утро. Жена с матерью распили на двоих весь пузырек корвалола, отец жены заснул в кресле на кухне, сестра с женихом уехали, потрепав ребенка по плечу на прощание: «Все будет хорошо». Тот блеванул спросонья кому-то из них на ботинки.

Андрей сидел перед окном в спальне и смотрел, как небо становится неприятно серым, после начинают петь птицы, затем к ним присоединяются другие, и, когда кажется, что их хор становится совершенно невыносимым, приезжают мусорщики и начинают переворачивать с грохотом свои баки, а свет заполняет комнату все больше.

Он смотрел и думал, как будет хорошо, если болезнь сына отступит и они станут проводить больше времени вместе. Сходили бы на футбол наконец. Может, он даже сделал бы что-то такое, на что не был готов раньше, изменился, – конкретные идеи не приходили ему в голову, он ощущал лишь сильное желание. Андрей задумался и даже взмолился: он знал, что готов променять на здоровье сына.

Андрей попросил Бога о сделке: он перестает орать матом на подчиненных, только бы ребенок выздоровел. Он готов, он созрел отказаться от этой приятной привычки, променять свое карательное утро на что-то более продуктивное, вроде пробежки (около дома Алены, например, – мелькнуло где-то на задворках сознания и погасло).

Он готов. Только бы сын выздоровел, ну же, Бог, как насчет этого? Небольшая слеза скатилась из уголка глаза, настолько он был в отчаянии. «Ты согласен, Бог?» – хотел спросить он, но не знал, куда смотреть – на небо, на потолок, в окно или на фигуру на кресте у себя на шее. Он на всякий случай достал крест и внимательно взгляделся в человека на нем. Посчитав, что этого достаточно, час или два спокойно спал, обняв сына, который окончательно ослабел и уже совсем не шевелился. Чтобы доказать свою решимость, Андрей перевел телефон в беззвучный режим.

Врачи приехали в то же время, что и обещали. Осмотрели ребенка, сделали пару уколов, предъявили счет, написали рекомендации и уехали. Их визит занял буквально несколько минут. Оказалось, у сына что-то вирусное, достаточно выпить пару таблеток – и все пройдет.

Это сильно поразило Андрея: он полагал, что расстояние между реанимацией, капельницами, серой, как пергамент, кожей ребенка и здоровьем должно равняться бездне, но нет, одно от другого отделял лишь укол, единственное вливание глюкозы.

Сын спал всю ночь и почти весь следующий день. К вечеру он уже почти пришел в себя, попросил любимого печенья и прочитал с Андреем в кровати книгу про собаку – ее он позволял брать только отцу. Ребенок был еще слаб, но кожа уже порозовела, исчезли тени под глазами, прекратились судороги, которые так пугали жену. Ее родители успокоились и уехали домой. Андрей облегченно вздохнул, достал из шкафа любимый ром и выпил все, не колеблясь, до дна.

Ночью снилось, как он бредет по пустыне и нигде, совершенно нигде, нет ни капли воды. Проснулся с сушняком, но зато голова не болела и на душе стало спокойнее.

На работе ничего не изменилось, и это сильно удивило Андрея, по его внутренним ощущениям словно несколько лет прошло. За пару дней он подзабыл, как общаться с подчиненными – перенервничал. Очень болезненно отнесся к сводке происшествий: там фигурировали дети.

Дотянуть на одном месте до обеда было тяжело, и он, под предлогом срочных дел, сбежал в «Детский мир». Там бродил среди конструкторов, о которых не мог даже мечтать в детстве, каких-то невероятных самолетов, катеров с пультами управления и всевозможными примочками. Вспоминал, как прыгал по гаражам, когда был маленьким, собирая красивые, гладкие камни на стройке, лазил по деревьям, делал лук и стрелы из веток – и был счастлив.

Современные магазины радовали, пугали и вызывали отчаяние, когда он представлял себя десятилетним. Наверное, он бы просто сошел с ума, а его сыну все это было не нужно. Открыв заметки в телефоне, Андрей искал, что же он просил на праздники в подарок.

Сын не был на него похож, ему нравились устройства, которые начинались со слова «микро» – микроскопы, микросхемы, всевозможные гаджеты. Он не знал, как вести себя на улице и чем там заняться. Казалось, кинь кто в него мяч – отскочит, как от стенки. С другими детьми сын общался через мобильные приложения: он бы просто не понял, для чего нужен лук со стрелами.

Смущаясь, Андрей подошел к продавцу и перечислил, наверняка путая и коверкая слова, названия игрушек, ничего ему не говорившие. Слава богу, тот понимал, о чем идет речь, и

принес несколько небольших коробочек, содержимое которых невозможно было определить, не заглянув внутрь. Когда Андрей узнал цену этих невзрачных вещей, то замолчал, обматерил себя беззвучно, но все купил – не позориться же перед продавцом.

Сын был счастлив. Сгреб все коробочки, отнес в свою комнату. Весь оставшийся вечер Андрей сквозь стену слушал, как он советуется с другом по скайпу, как собирать из непонятных деталей. Андрей понял: он тут не авторитет, вмешиваться не стоит, и оставил ребенка по-своему радоваться подаркам.

На следующее утро он был особенно весел, отборно материл подчиненных, больше двух часов разговаривал с другом из следственного, обсуждая знакомых, сделал пару комплиментов сотрудникам из отдела рекламы.

Звонила жена: он не поленился взять трубку и послушать ее бесконечные упреки и стечения о том, какой он кретин, и даже вызвался купить хлеб после работы. Главное – она с самого начала сказала, – с сыном все в порядке. Это означало, по крайней мере, сегодня он точно неуязвим, а что будет завтра – уже не важно.

Совпадение

Они играли в дурака, когда Аня услышала впервые этот звук – как будто кто-то очень нежно постукивал подушечками пальцев по стеклу. Она подошла к окну и открыла штору – десятки мотыльков бились о прозрачную невидимую преграду.

– Ты не представляешь, на что похожа комната, когда они внутри, – хихикнула Саша. – Ложишься спать, а они ползают по потолку и падают на лицо, как в фильмах ужасов. А потом копошатся, копошатся своими лапками!

Аня провела рукой по шее, на пальцах остался след крови и мертвый жирный комар. Место укуса начнет чесаться завтра, но ее это уже не беспокоило. Слишком много таких точек появилось на теле за последние несколько дней, чтобы переживать еще об одной.

Кроме подруг на даче жила еще Сашина бабушка – Наталья Николаевна. И не то чтобы жила – работала. Просыпалась часов в пять-шесть, и сразу на грядки – полоть, поливать, копать, сажать, и так до вечера.

Ане загородная жизнь была в новинку, приключения сулил каждый день. В первый она упала в обморок в дачном туалете, обклеенном сверху донизу обоями с крупными яркими маками. Кабинка стояла на солнцепеке и ближе к обеду раскалялась, как консервная банка на углях.

Последнее, что Аня увидела сквозь разбегающиеся во все стороны черные точки в глазах, – потолок из пульсирующих, наползавших друг на друга красных лепестков, дальше – лишь чернота. Вытащил ее сосед.

– Смотрю, симпатичная нога, думаю, надо с хозяйкой познакомиться, – со смехом рассказывал он Саше и Наталье Николаевне. Сосед заходил еще несколько раз, и история обрастала всеми новыми и новыми подробностями, пока однажды он не уехал с друзьями надолго на рыбалку.

За пару недель Аня так и не смогла понять прелестей дачной жизни. Не научилась принимать душ на улице: воду для него набирали из открытой бочки, которая так нагревалась днем, что разве что не булькала, как кипяток.

Или мыть этой же водой овощи с огорода, а по утрам наливать уже остывшую в умывальник, утопив заодно несколько спрятавшихся в прохладе мелких жучков. Сгонять с раковины паука, которую тот бережно оплетал по ночам полупрозрачной серебристой нитью, словно сито.

Наталья Николаевна наблюдала за Аней с жалостью и сочувствием. Она не понимала, кто так избаловал ребенка, что он шагал, словно цапля, через посадки картошки, стараясь их не задеть и не поймать на одежду безобидных букашек.

Зато Аня научилась легко срывать ягоды и овощи, на огороде без нее трудно было обойтись. Во время работы она быстро и плавно перебирала цепкими, длинными, тонкими пальцами, словно играла на арфе сложную мелодию.

Саше повезло меньше. Кисти ее рук, сложенные в горсть, напоминали короткие ковши. Она стеснялась рук, доставшихся по наследству от матери, а той – от Натальи Николаевны. Саша словно сознательно пряталась от повторения схематичных судеб близких за чем-то иным, новым – толстыми книжками, которыми были завалены оба этажа дачи.

Каждое утро Наталья Николаевна собирала книги по всем комнатам и складывала в одну высокую стопку на журнальный столик. Чтениеказалось бабушке блажью, бестолковым занятием, не приносящим никакой пользы.

– Опять читаете, – повторяла она, заходя по утрам к девочкам, нечесаным, неумытым, но уже сидящим с книгами, с отрешенным взглядом, погруженным в куда более реальный мир,

чем этот. – Нет бы мне в огороде помочь, спина уже раскалывается, – и картино потирала поясницу.

Саша даже не обратила внимания на ее слова, знала – у бабушки никогда ничего не болит. «Железный конь» – так называли ее знакомые за глаза.

Аня в такие моменты испытывала неловкость, понимая: Саша могла делать все, что заблагорассудится, но она для них – чужой человек, которого привезли сюда за компанию, только чтобы подруга не скучала.

Приходилось вставать и предлагать помочь, на что и внучка, и бабушка злились еще больше, ведь это был театр для двоих. Аня разрушала границу между вымыслом и реальностью, словно глупый ребенок, забежавший за кулисы кукольного представления и обнаруживший актеров за ширмой.

Очередной повинностью стал сбор смородины за себя и за Сашу, та снова отказалась. На кустах ягоды созрело очень много. Стоял день, солнце палило вовсю, но неудобно жаловаться на жару старушке, которая с шести утра без перерыва возилась в огороде.

Аня потела и рвала ягоду быстрее, чтобы поскорее заполнить ведерко доверху и снова вернуться в прохладу дома.

Во время работы они молчали. Аня не знала, о чем говорить, а Наталья Николаевна представляла на месте чужого ребенка родную внучку, и ей нравилась картина, которую рисовало воображение. Звучание речи могло все разрушить, поэтому старушка держала рот на замке.

Наталья Николаевна мечтала, как через несколько лет, когда у нее закончатся силы полоть картошку, ее заменит Сашенька. Сад останется таким же прекрасным, цветник – ярким, а огород – плодоносящим, как раньше, и труды бабушки будут не напрасны.

– Молодец, – похвалила Анию Наталья Николаевна, увидев полные доверху два ведра. – Теперь набери немного домой, ты ведь завтра уезжаешь, – и протянула ей небольшой целлофановый пакетик.

В обед позвонила мать. Сказала, что заберет Анию утром.

– Ты как там, жива еще? Ешь ягоды и фрукты, набирайся витаминов побольше, даже через не хочу. Другой возможности не будет.

Вечером Аня сложила несколько пустых пакетиков впрок и проверила, где на грядках осталось хоть что-то съедобное после очередной уборки урожая. Наталья Николаевна пообещала кабачки, баклажаны, огурцы и смородину.

В комнате она проверила каждый угол перед сном, чтобы мотыльки, случайно залетевшие в окна, успели вернуться в полумрак и шуршать там, похлопывая мягкими крыльями.

Осталось только выспаться. Аня старательно пыхтела и сопела, изображая сон, и вот наконец Саше надоело разговаривать самой с собой, она замолчала и через некоторое время заснула – дыхание стало медленным и ровным.

Аня открыла глаза. Спать не давала яркая луна, висевшая вровень с их окном, и громкий стрекот кузнечиков.

Казалось, небо пристально вглядывалось в комнату. Похоже она видела только на экскурсии в планетарии в пятом классе. Звезды висели так близко, достаточно лишь протянуть руку, чтобы коснуться каждой и собрать в ладонь, словно горсть ежевики.

По ночам девочки не выходили из дома – страшно. Заботливая бабушка поставила у двери гремевшее от малейшего касания металлическое ведро, которое они, сморшившись, выливали по очереди утром.

Несмотря на лунное сияние, тьма снаружи была настолько густой, что в ней исчезали все прежде знакомые предметы, тени вытягивались и все выглядело чужим, незнакомым.

Небо манило, казалось настолько близким, что одно неосторожное движение – и свод обрушится на голову, а звезды со звоном и грохотом разлетятся в разные стороны.

Проверять его на прочность было некому: все обитатели окружающих дач ложились спать не позже восьми, чтобы проснуться ранним утром и копать с таким остервенением, словно не могут найти спрятанное сотни лет назад сокровище.

В школе часто повторяли, что труд облагораживает человека. Исключительно благодаря труду он встал на задние лапы и передумал оставаться обезьяной, но, похоже, что-то в этой схеме дало сбой. Потребность махать лопатой у людей сохранилась, но речь постепенно утрачивалась.

Аня слышала со всех участков только мат. В другое время соседи молча работали в саду или ели под звуки радио, которые никто не имел права прерывать.

Она ожидала от дачи тишины, но оказалось, что на природе слышимость гораздо выше, чем в городе: каждый шорох ежа в саду звучал ночью, как топот пробирающегося по лесу медведя.

Днем она слушала, как мужчина с участка у леса пьет и орет на жену, ребенок с дачи напротив отказывается есть суп и закатывает истерику, а к «нелюдимым» парням в доме у дороги приехали девчонки, и теперь они только и делают, что слушают «Русское радио» и горланят песни с утра до ночи под расстроенную гитару.

Развлечений тоже было немного. В первые дни после приезда подруги часто гуляли, собирали цветы, веточки, высушивали их между книжных страниц, ставили в вазы и стаканы. Через несколько дней цветы исчезли. Наталья Николаевна навела порядок в комнате и выбросила лишний мусор. Больше букетов они не составляли.

Заснуть Ане не удалось, слишком сильно переживала. Как только начало светать, она тихонько спустилась вниз, взяла пакетики и пошла на грядки. Срывала все, что только может пригодиться: возвращаться на дачу снова она больше не планировала, хватит.

Собрала очень много, стало стыдно и радостно одновременно. Часть урожая отнесла в комнату и спрятала в сумке среди вещей. Меньшую оставила на кухне, чтобы Наталья Николаевна сразу увидела, сколько получилось.

Было только шесть утра, когда она закончила, расслабилась и ненадолго заснула. Разбудила Анью мать. Пора было ехать домой. Аня аккуратно сложила вещи, спустилась за овощами и ягодами на кухню. Наталья Николаевна недовольно покосилась на пакетики, которые та прижимала к себе, но ничего не сказала.

Обратно ехали несколько часов. Сашин отец довез их с дочерью до своего дома. У подъезда подруги попрощались, и Аня с матерью пересели в маршрутку, чтобы добраться до центра города, а оттуда уже – к себе.

Когда они наконец оказались дома, все дачные заботы испарились. Стены квартиры были перепачканы серым порошком, словно кто-то покрыл их толстым слоем пыли или измазал золой. Ящики шкафов – вывернуты наружу, подушки от дивана валялись на полу со следами подошв на чехлах, занавески – сорваны, верхняя одежда с бельем вперемешку лежала одним гигантским грязным комом в центре гостиной. Аня зашла в свою комнату – та же история.

Беспорядок сделал дом чужим, заброшенным, незнакомым. В гостиной на краю дивана рыдала мать. Воры унесли все деньги, а с ними – детский крестильный крестик, обручальные кольца, пару сережек.

– Зачем им крестик, он ведь даже не из серебра, – всхлипывала мать.

Отца дома не оказалось. Как только он вернулся вечером с работы и обнаружил следы взлома, сразу вызвал полицию. После, когда ехал в отделение, чтобы закончить с формальностями по делу, которое никто не планировал раскрывать, уже сожалел о своем поступке: многие ценные вещи исчезли именно после полицейской проверки.

Квартира из-за серого порошка напоминала пепелище, но ничьих отпечатков пальцев так и не нашли.

– Не очень у нас получается отдохнуть на природе, – пошутила мать. – Представь, что бы произошло, останься мы на даче на ночь!

Деваться было некуда, мать стала наводить порядок – разбирать вещи, складывать белье в стиралку, отмывать стены и пол. Аню на всякий случай отправили обратно к Саше – сначала домой, а после на дачу.

В автобусе Аня вспоминала, как днем, по дороге домой обсуждала с матерью, что приготовить из ягод, которые она везла для родных.

– Хочу варенье из смородины с апельсином и имбирем, то, что бабушка готовила в детстве, – попросила у мамы она.

Дело было не столько в рецепте, сколько в ценности воспоминания. Аня детально описала кухню и большой деревянный буфет. Запахи, витавшие над булькающей, словно вулкан, кастрюлей, большую алюминиевую ложку, которой бабушка мешала варенье и разрешала облизать, как наивысшую ценность, когда все уже было готово.

Приближалась ее остановка. Аня раскрыла сумку, чтобы достать деньги за проезд, и обомлела – изнутри та напоминала растерзанный живот солдата, упавшего на мину. Пакеты с ягодами лопнули и перемешались с вещами, окрасив одежду красно-фиолетовыми пятнами. Огурцы треснули, несколько кусочков выпало на пол, пока Аня трясущимися руками искала кошелек.

Сумку она решила оставить в автобусе – очистить ее и вещи было уже невозможно. Не стала застегивать на молнию, чтобы никто не испугался, просто положила раскрытую на сиденье рядом.

Когда она уже выходила из автобуса, с самого дна сумки на поверхность выползла жирная темно-зеленая гусеница и засеменила прочь. Траектория ее движения была понятна: сначала на стенку кабинки, после – на окно и через едва заметную щель – наружу.

За Аней наблюдал старик, сидевший в автобусе неподалеку. После того как она вышла, он переместился на ее сиденье, положил сумку на колени, старательно застегнул молнию жесткими, словно кусачки, пальцами, а после повернулся к окну как ни в чем не бывало.

Заметил там гусеницу и провел по ней подушечкой большого пальца, оставив от насекомого лишь небольшое полупрозрачное пятно.

Тамагочи

Иван проснулся, как обычно, в полшестого. Сел на кровати, открыл рот и подавился готовыми выпрыгнуть наружу «добрый утром» вперемешку с «пора вставать». На стороне жены лежала гигантская боксерская груша и попискивала, словно слабо завязанный шарик с гелием.

Вскочил, сделал вдох-выдох, закрыл глаза, – не поверил, вдруг выпил лишнего вчера, – досчитал до десяти и открыл снова. Груша уже не лежала на кровати, а, можно сказать, сидела. Она снова пискнула и попрыгала в туалет. Зажурчал унитаз. После – в ванную. За дверью послышался шум воды: краны открывались и закрывались, капли стучали о стенки душевой кабинки.

Она вела себя точно как жена, за одним исключением – это была здоровенная кожаная груша. Вроде той, на которой он отрабатывал удар несколько лет назад. Пока не обленился, забросил спорт и отрастил пивное брюшко, которое любил в шутку поглаживать, приговаривая: «Как там мой малыш?»

Иван посидел немного на кровати и решил заглянуть в кухню. Груша готовила завтрак. Руками ей служили металлические цепочки, которые в иных обстоятельствах пригодились бы для крепежа инвентаря к потолку. Иван завороженно смотрел, как ловко у нее получалось орудовать ложками и тарелками.

Груша положила перед мужем привычную бадью с овсянкой, что-то пискнула и влила в себя чашку чая. Он посмотрел на пол, ничего не пролилось. После она упрыгала в коридор. Иван услышал, как хлопнула входная дверь.

На работу он не пошел. Ощущал себя окончательно слетевшим с катушки и до конца не верил в случившееся: заглядывал за каждый угол в поисках то телевизионной группы, которая неожиданно выскочила бы с криками: «Подстава!», то жены, которая бы появилась и все объяснила.

Вечером груша припрыгала домой, принесла курицу в пакете. Сначала бросила ее в раковину, а после стала бодро разделять на кухонном столе, попискивая какую-то мелодию и посматривая в сторону телевизора – шли новости.

Иван затаился на кухонном стуле в самом стратегически безопасном углу комнаты и изучал ее как инопланетянку. Вдруг из груши выпрыгнет чудовище и сожрет его, стоит только отвернуться? Вспомнил уроки фантастических фильмов ужасов – ни в коем случае не поворачиваться к монстру спиной.

Заметил небольшую молнию у нее на боковине. Захотелось дернуть и проверить, что там внутри, но не решился.

А может, жена не виновата и это старая цыганка, бродившая у дома уже месяц, наложила на нее древнее заклятие? Иван позвонил старому другу:

– Нужна помощь, приезжай сейчас же.

Тот уложился в пятнадцать минут. Дверь открыла груша, друг бесцеремонно обнял и поцеловал ее, та пискнула что-то в ответ, мужчина рассмеялся.

– Веселая у тебя баба, не соскучишься, – заметил он, разуваясь. – Ну, так что там стряслось?

Спать легли вместе, Иван придвинулся к самому краю кровати, чтобы ненароком не коснуться и не задеть существа. Заснуть не мог, просыпался каждый раз, как слышал скрип кожи – сон груши был беспокойным, она ворочалась.

Первые пару дней он ждал, когда раскроется замок на ее боковине и оттуда выпрыгнет чудовище. Засыпал с опаской, но груша не навязывалась, только попискивала что-то на своей половине кровати. Иван привык во всем с ней соглашаться и не спорить. Так и жили.

Через неделю Иван настолько привык к груше, будто жена никуда и не пропадала. Она так же по вечерам пищала по телефону: однажды он даже сумел различить среди привычных звуков новый – смех. Вместо обычного, ровного писка груша зализас переливистой трелью, да так сильно, что цепочки затренькали в унисон. Похвалил себя за внимательность, как начинаящий зоолог, обнаруживший новую особенность недавно открытого вида.

Груша так же ходила в гости к подругам и присыпала смски с телефона жены, а по вечерам смотрела с ним сериалы и обивала металлическими цепочками.

Однажды по инерции прошлых лет семейной жизни он попытался заняться с ней сексом, но, стоило взглянуть на подпрыгивающую на кровати грушу, все само собой закончилось. Возобновлять попытки он не пытался.

После у него началась аллергия на пыль, которая забиралась в нос и рот и не давала дышать, стоило Ивану появиться дома и почувствовать неприятный запах дубленой кожи, исходивший от груши.

Она перемещалась по дому прыжками, поэтому пыль всегда висела в воздухе, как космический мусор, вращающийся вокруг Земли. Раньше он любил смотреть, как жена взбивает подушки и мелкие частички кружатся на солнце: их движения напоминали танец или полет стаи птиц в небе.

Сейчас Иван не мог дышать, когда она находилась рядом.

С пылью смешился сладковато-липкий запах груши – подтаявший на солнце леденец, который уронили в лужу с бензином. Стоило вдохнуть, как кружилась, а иногда болела голова. Ивана подташнивало и шатало, будто жарким летом сел в разогретый на солнце салон такси.

Раньше от жены всегда пахло цветочным мылом, она не признавала никакие другие средства для мытья. Ему нравилось зарываться в складки мягкого, теплого тела, которое источало аромат, напоминавший о лете, диких полянах ежевики и ленивых теплых деньках.

Теперь Иван спал в зале, чтобы случайно не соприкоснуться с липкой поверхностью лакированной кожи и не вдыхать ее трупный запах.

Без особых усилий завел любовницу: подвернулась первая попавшаяся молодая сотрудница на корпоративе, с ней и закрутилось.

– Разве у тебя нет жены? – спросила в полуписьменном бреду.

– Стал бы обниматься с тобой, будь она у меня? – рассмеялся ей в лицо.

Встречались в ее однушке пару раз в неделю. Иван любил пристально рассматривать кожу девушки, гладить шелковистую поверхность.

Он считал ребра любовницы с одной и другой стороны, после переворачивал на спину и продолжал снова. Когда заканчивал, касался пупка – точка.

Ей он казался странным, но лучше странный, чем алкаш, повторяла девушка после его ухода, в одиночестве, заматываясь в одеяло, как в кокон, на узкой односпальной кровати.

Она успела привыкнуть к его фантазиям и поначалу казавшейся странной просьбе притвориться боксерской грушей во время секса. Ему нравилось душить ее и ходить, только так у него получалось.

Всему свое время, считала она. Ее время пришло через полгода после начала их встреч. Именно тогда девушка решила – пора заканчивать со старой жизнью и начинать новую. Иван помялся, но отказался: он не может бросить жену в таком состоянии.

– Я встретила ее вчера в магазине, – сухо ответила любовница, – выглядит лучше меня.

– Но, – смутился Иван. – Она же груша?..

– Да к ей не 15 лет, чтобы тростинкой быть, – продолжала настаивать девушка. – Именно поэтому нам необходимо съехаться: жизнь проходит мимо, недолго и мне в грушу превратиться.

– Ты не поняла, – разозлился Иван. – Она – груша! Боксерская груша, которую бьют, вот так, – заорал он и ударил девушку в живот кулаком. – И так, и вот так, – нанес еще несколько ударов по разным частям тела.

Она упала на пол. Он не мог остановиться. Бил девушку, пока хватало сил.

– Почему никто мне не верит? – разозлился он. – Думаешь, гоню? Или с первого раза не врубаешься? Сказал же, груша, – повторил он, ударив девушку ногой по голове, как отбрасывают от себя сломавшуюся, старую, надоевшую игрушку. Та давно потеряла сознание, но была еще жива.

Хватило двух звонков – первого («даже не вздумай») и контрольного («попробуй только»), чтобы девушка отказалась от мысли подавать заявление в полицию.

Больше любовниц Иван не заводил, вместо этого купил в кредит машину и все свободное время проводил с мужиками в гараже.

Каждый раз, как тонкая цепочка обвивала его живот во сне, Иван просыпался с металлическим привкусом и резью в мочевом и бежал в туалет. Ничего не мог с собой поделать – пора бы привыкнуть к груше и ее ледяным объятиям, но не получалось.

Однажды утром, включив мобильный и глядя на дату, вспомнил, сегодня – день ее рождения. Иван прожил с грушей год, нужно поздравить, сказать пару дежурных комплиментов. Но как ее звали раньше?

Бросился в коридор к сумочке за паспортом, но не успел – жена давно проснулась и подталкивала его к кухне, попискивая. Там ждали плотный завтрак, новости по телевизору, горячий чай с сахаром. После позвонил сотрудник и загрузил делами еще до начала рабочего дня. Иван поел, собрался и уже на пороге вспомнил: нужно было что-то сделать. Махнул рукой: потом, вечером, но к тому времени окончательно забыл о своем намерении.

А звали жену Еленой. Лет пять назад она проснулась и увидела на кровати, там, где обычно спал муж, маленького, милого, беззащитного хомячка. Совсем как тамагочи в детстве – только успевай кормить. Зверек весело попискивал и шевелил усами.

Лучше не знать

Алексей застегнул замок на сумке, внутри лежала добыча: шесть голубей. Он отстреливал их в городском парке из воздушки. В будние дни никто не обращал внимания на сутулого худощавого мужчину, в выходные он там не появлялся – слишком много людей.

Ружье прятал под курткой. Голубей выбирал самых жирных, из них получалось не только жаркое, но и наваристый суп.

«Французский деликатес», – посмеивался он за обедом. Лицо расплзлось в улыбке, как резиновая маска, но глаза оставались потухшими. Уже полгода семья питалась только голубями и жареной картошкой.

Ему во что бы то ни стало нужно разбогатеть. Деваться некуда, время такое: разбогатей или умри. Умирать не хотелось: зарплаты жены хватало только на коммуналку, значит, кто-то должен кормить семью.

С последней работы снова выгнали за прогулы: деньги обесценивались быстрее, чем выдавали полушку. К концу месяца на них уже нечего было покупать. Кому нужна такая работа?

Самолюбие приветливо напоминало, что одноклассник Слава из дебила вырос в депутаты, Илья открыл винно-водочный магазин, и даже шалава Света завела комиссионку – арендовала помещение, а люди сами несли вещи.

Про тех, кто погиб в драках, перестрелках и разборках, самолюбие разумно умалчивало.

Свежая идея пришла из телевизора. Он задремал в обед, а после включил ящик. Показывали передачу про змей. Добродушный ведущий рассказывал о ценности змеиного яда: еще в Древнем Риме люди научились извлекать из него полезные вещества. В наши дни он широко используется в медицине и косметологии, повторял дед вкрадчивым голосом, погла-живая питона.

Для добычи яда построили специальные питомники, где выращивают змей. Рыночная цена на него невероятно высока. Алексей напрягся, но точную цифру старик не назвал. Намекнул лишь, что продается товар за валюту, а сумма исчисляется в несколько нулей за грамм.

– Змеепитомники, значит, – повторил Алексей вслед за ведущим, словно пробуя на вкус слово. Оно показалось горьким, как мокрота курящего человека, захотелось сразу выплюнуть.

Старику можно верить, Алексей смотрел передачу с самого детства. Вечером позвонил нужным людям, которые через несколько дней нашли контакты питомника в Средней Азии и выход на местных из медицинского института.

Он не рассказывал дома, сколько и у кого взял в долг, но однажды вечером в гости пришел крупный мужчина в строгом костюме, и Алексей долго ругался с ним на кухне. После они выпили, мужчина хрюкнул и хлопнул его одобрительно по спине с такой силой, что Алексей чуть не выплюнул легкие.

За пару месяцев он сделал перепланировку в квартире: разделил комнату дочери на две, в дверь одной из них врезал замок. Как ребенку жить без окон, не объяснил.

В другой комнате соорудил пять огромных ящиков со стеклянными крышками. После уехал, ничего не сказав ни жене, ни дочери, хотя обе догадались, что это очередная затея по стремительному обогащению.

Новая появлялась раз в сезон. Они успели всей семьей поторговать сервелатом, краси-тель от которого не отмывался с вещей. Затем был грильяж, тот моментально засох, и его никто не покупал: до сих пор хранился дома в обувных коробках.

Алексей вернулся через две недели: небритый, осунувшийся, с несколькими мешками за спиной. Зашел в комнату с ящиками, закрылся на замок и начал греметь. Когда вышел, в квартире послышалось тихое шипение, как будто телевизор включили на ненастроенном канале.

– Что там? – спросила жена.

– Тебе лучше не знать, – ответил он, запирая комнату на ключ. – И не заходи туда.

Ключ повесил на шее рядом с крестиком, чтобы не потерять. Алексею нравилось представлять себя Синей Бородой, а во время семейных ссор мечтать, как перевернет ящики и уйдет из дома, оставив вместе кричащую жену и так похожую на нее, а не на него непослушную дочь.

– Змеи должны жить в норе, – повторял он с усмешкой. Иногда фантазия забредала дальше, и он представлял, как жена с дочерью приручат жутких тварей и натравят на него.

* * *

До дня рождения оставалась неделя, нужно составить список. Катя начала с Андрея, который ей нравился, но выбрал другую. Самое обидное, что не из-за большой любви, а просто потому, что та дала.

С этой он стоял по стойке «смирно», поддакивал и во всем соглашался. Смотреть противно. А Катя уже придумала имена будущих детей и даже выбрали породу собаки, которую они заведут.

Дальше шли зубрилы Нина и Люба. Они не давали никому списывать, поэтому у остальных в классе по математике стояли тройки. Их не любил никто, ни дети, ни учителя.

Красным фломастером вписала Кристину. Та выкидывала много номеров, из последнего больше всего запомнилось, как она организовала для Кати знакомство вслепую.

– Он прекрасен, как античный бог, и давно хотел с тобой познакомиться, – убеждала Кристина подругу.

Катя знала, догадывалась и верила, такой момент должен был наступить в ее жизни рано или поздно. Ладони и ступни сильно намокли, когда она пришла в условленное место, накрашивавшиеся и разодевшись.

Ее ждал невысокий мужчина средних лет, с лицом, напоминавшим ржавую лопату. Улыбнулся, и стало еще хуже: кожа, словно пожухлый, проеденный мелкими насекомыми лист, натянулась и, казалось, вот-вот треснет.

– Дура, – сказала Катя стоявшей неподалеку Кристине. – Где ты откопала этого старого педофила? – повернулась и ушла не оглядываясь.

Кристина расплакалась, так как не ожидала такого поворота, и в истерике побежала в противоположную сторону. Уродливый мужчина даже не успел раскрыть рта и, кажется, не понял, что произошло.

Катя припомнила еще множество обид, какие-то имена обидчиков она записала и обвела красным, как более значимые, какие-то зеленым. Если зеленых набиралось более трех, то она ставила напротив каждой красный крестик. Это означало, что их достаточно. Синие она не считала.

Кажется, все. Список готов. На следующий день она втайне передала приглашения жертвам. Все согласились прийти.

Она так часто проигрывала в голове эту фантазию, дополняя ее все большим количеством деталей, что та заместила реальность, и Катя уже не различала границ.

День X наступил очень скоро. Катя попросила родителей помочь ей с приготовлениями к празднику, а после уйти на три-четыре часа, оставить их ненадолго, она ведь теперь совсем взрослая.

Мама помогла накрыть на стол, отец не вмешивался, только наблюдал за происходящим.

– Я тебе точно больше не нужна? – уточнила мама.
– Да, все в порядке, – успокоила ее Катя.

Вначале она развлекала гостей конкурсами, но всем скоро надоело. Потихоньку они начали разбредаться по квартире, изучая каждый уголок и все мельчайшие детали интерьера.

– А что в той комнате? – попытался перекричать шум магнитофона Андрей, дергая за ручку двери, которая отказывалась поддаваться.

– Мастерская отца, – быстро ответила Катя. – Она заперта, но я готовлю для вас сюрприз. Гости заинтересовались.

«Отлично, наживка проглочена», – обрадовалась про себя Катя и плавно перешла к главному:

– Я придумала крутой конкурс. Я завязываю вам глаза, рот и руки. После даю потрогать четыре предмета. Вы должны угадать, что это. Кто правильно назовет все по порядку и не ошибется, получит приз – магнитофон.

– Ты совсем поехала крышей? – уточнила Кристина.

– Нет, сегодня же мой день рождения, – она продолжала пудрить мозги окружающим. – Вы подарили мне столько клевых вещей, теперь моя очередь. К тому же, – подстегнула их любопытство Катя, – задача не из простых, с ней справятся только самые сообразительные. Участвовать должны все, иначе не получится.

Гости согласились, выиграть магнитофон хотелось каждому.

Катя завязала участникам глаза, рот и руки и по очереди отводила в «мастерскую отца».

Она много раз проигрывала этот сюжет в голове: в комнате слышалось тихое шипение, перебиваемое только предупреждающим, нетерпеливым постукиванием хвостов по коробкам. Одну девочку Катя передвинула ближе к выходу и, когда завела туда последнего человека, перевернула одну коробку в сторону шеренги гостей, выбежала наружу и быстро закрыла дверь.

Поначалу она просто стояла и слушала крики подростков. Кого-то перепуганные змеи укусили сразу, кто-то не разобрался, что произошло, и пытался стянуть с себя повязки, но это было не просто.

Катя стояла за стеклянной дверью, разделенной на три части деревянными плашками, и наблюдала за происходящим, как в зоопарке. Отец занавешивал ее с внутренней стороны, но после того, как она завязала всем глаза, Катя специально сняла штору, чтобы смотреть, как корчатся в муках ее враги. В книгах писали, что это доставляет особое наслаждение.

Андрей умудрился снять повязку с глаз и завопил от страха, когда увидел ползающих по комнате тварей. Правда, слышен был только отдаленный визг: его рот Катя завязала плотно.

Вдруг он заметил Катю, подбежал к двери и ударил связанными руками по стеклу с такой силой, что осколки полетели ей в лицо. В его глазах стоял ужас, мальчик попытался схватить Катю, но та вовремя отпрыгнула.

Нужно прятаться, вылезти могли и люди, и змеи. Катя забаррикадировалась в ванной, закрыв дверь на щеколду. Еще долго она слышала сдавленные вопли, возню, шуршание змей.

Все затихло через пару часов, Катя успокоилась, но окончательно пришла в себя только после щелчка ключа, поворачиваемого в дверном замке. Она заколебалась, но другого выбора не было: Катя резко распахнула дверь ванной с криком:

– Змеи вылезли!!

И быстро захлопнула снова. Когда Катя повернулась к ванне, было поздно – что-то резко налетело на нее сбоку, со стороны стиральной машины. От страха она упала, ударились головой об унитаз и отключилась.

* * *

Алексей впервые за много лет пошел с женой в ресторан грузинской кухни. Его недавно открыли неподалеку от дома. Хозяин выходил к каждому посетителю навстречу и обнимал словно старого знакомого. Деревянная отделка и мягкие скатерти в клетку создавали ощущение уюта, как в детских воспоминаниях.

– Ира, на этот раз все получится, поверь, – убеждал Алексей жену. – Я собрал уже много яда, почти стакан. Он не портится, только растет в цене. Будем продавать иностранцам. Из него делают мощные лекарства от рака и СПИДа. Прикинь, какие это бабки?!

Жена молча ела. Они уже давно жили в долг, и сумма с каждым днем росла.

Ирина не хотела портить вечер и разочаровывать мужа заранее. Пусть парень, с которым тот договаривался о сделке, придет и откажет Алексею лично. Он звонил утром, когда муж обычно охотился на голубей, и сказал, очень жаль, но без необходимых документов продать яд невозможно ни за какие деньги, это незаконно.

Она молча ела креветки под бубнеж мужа и прикидывала: в морозилке оставались три жирные птичьи тушки, в кухонном шкафу Ирина запасла крупы.

На черный день в серванте лежало ее приданое – посудный сервис «Мадонна», переливавшийся при свете, словно пятна бензина на воде. Пару тарелок они уже продали, но им хватит точно еще на полгода. Даже поштучно их отлично разбирали в комиссионке.

Она уже давно отсыпалась только на работе, сидя с открытыми глазами перед печатной машинкой. Ночью Ирина смотрела на тени проезжающих машин на потолке, слушала шипение за стеной и представляла, как в один прекрасный день Алексей забудет закрыть дверь в комнату и существа, которых она боялась даже называть, выползут, солются с орнаментом на обоях, с одеждой в шкафах, займут их место.

Домой шли молча, только у самого подъезда муж спросил:

– Открывать или кинуть камушек в окно? Вдруг еще не ушли?

Они замерли перед входной дверью в нерешительности.

Разговор с человеком

Церковь занимала весь 18-й этаж развлекательного центра. Когда лифт остановился, вышел только Илья. Остальные спешили на другие этажи – в кино, по магазинам, к проституткам, на работу, гонки, в сауну, спортзал.

В храме не было ни души. Илья подошел к автоматам и выбрал в одном электрическую свечу среднего размера. На экране высветились свободные места, где можно ее поставить. Он выбрал с краю. Спереди у алтаря зажглась еще одна, красная.

В автомате с записками выбрал «За здравие» и набрал на экране имена сестры, матери и отца. В чеке имя отца напечаталось с ошибкой. Разберутся.

Сел на мраморную скамью. Перед ним светились голограммические иконы, которые меняли выражения лиц со скорбных на веселые и реагировали на движения, поворачиваясь лицом и помахивая руками, подзывая к себе, указывая на молитву рядом.

Он сел напротив Николая Чудотворца, тот повернул к Илье лицо и приветливо помахал рукой. Указал на кнопку: достаточно бросить монетку – и молитву прочитает тихий, высокий мужской голос, который разнесется по храму, отражаясь в каждом уголке.

Илья отрицательно покачал головой, ему это не нравилось. Напоминало аудиокниги. Нужно поговорить с кем-то живым.

Он подошел к самому большому из автоматов у входа. Поначалу хотел выбрать причастие, но передумал – дорого и не готов он, ведь перед причастием нужно исповедоваться. А ему бы просто поговорить.

Он запутался в дополнительных пакетах и опциях. Все они шли с разными обрядами и услугами. Отдельно можно выбрать только беседу, исповедь и причастие с обычным человеком, роботом или священником. Илья выбрал беседу с человеком. В разделе дополнительных опций уточнялось, какие эмоции требуются от человека: сочувствие, отзывчивость, жалость, раздражение, возмущение, гнев, грусть, смущение, неловкость, радость, гордость, благодарность.

Илья отказался от эмоций, это же человек, не робот, по нему будет видно. Оплатил, и сразу сверху приехал лифт с невысоким мужчиной средних лет. Он смотрел прямо, как робот.

– Пройдемте, – сказал он Илье, и они сели на лавку неподалеку от иконы Ксении Петербургской. Та приветливо улыбнулась Илье.

– Начинайте, – сухо произнес человек и уставился в пустоту.

Илья ожидал большей палитры эмоций, но так устал общаться с роботами по работе, что одно присутствие живого человека, готового выслушать, очень мотивировало.

– Я никогда не узнал бы обо всем, если бы не ведро, – начал он. – Такая емкость, которую раньше использовали для разных нужд, – я погуглил, – мытья пола, стирки и даже приготовления пищи.

Поначалу мне это казалось еще одной ее необычной фишкой. Аня, знаете ли, любила все странное, особенно старину – тащила в дом сундуки и шкатулки, непонятные абажуры. Она была очень привязана к своей бабушке, та прожила лет триста и многое успела застать. Так что всему, что она знала, Аня была обязана ей. Наверное, поэтому выбрала профессию декоратора. Ей не нравилась компьютерная графика, часто повторяла, что в ней нет души.

Мы познакомились у друзей, я тогда занимался торговлей и был богат, а она молода и немного взбалмошна, на этом и сошлись. Она поступила в престижную школу дизайна, оплачивать которую приходилось мне, но была абсолютно счастлива. Казалось, ее счастье отражалось и во мне.

– С ней было весело, – словно оправдываясь, продолжил он. – Иногда даже чересчур. На третью годовщину совместной жизни я подарил ей кошку, она любила животных. Все остальное у нее и так было.

Кошку поселили в специальном доме из дерева и тряпок, который та оберегала от глаз остальных, как Аня наше жилье. Они были в чем-то похожи, эти два существа.

Через пару месяцев кошка сильно поправилась, и тогда Аня достала откуда-то это зло-получное ведро. Сказала, что хранила его в гараже, среди других антикварных вещей, доставшихся ей от бабушки. Зачем его принесла, объяснять не стала, бросила что-то вроде «скоро увидишь».

И я увидел. Правда, не сразу, через пару недель. В ведре с водой. Трупики новорожденных котят. Четыре штуки.

Аня со смехом показала его, а после смыла уже обмякшие тельца в унитаз. Просто нажала на кнопку.

Она тогда уже была беременна, хотя мы еще не оформили отношения.

Кажется, все, кроме меня, остались довольны ее поступком, потому что кошка сидела неподалеку и облизывала спокойно лапу.

Но вы же знаете закон? Вышло, что я невольно стал соучастником убийства, и не одного, а четырех! И церковь поддерживает закон, так что вы должны быть на моей стороне!

Когда я спросил Анну, зачем она так поступила, та ответила, что этому ее научила бабушка, которая делала так всегда.

– А как же закон? – не поверил я тогда.

Аня пожала плечами, ухмыльнулась и сказала что-то вроде:

– Ну, ты же меня не сдашь?

Что мне оставалось делать? Я не мог дальше жить с убийцей!

Потихоньку она и кошка стали занимать все больше места в квартире. Нам пришлось оформить отношения, так как поводов, чтобы отказаться от этого решения, я не придумал. ДНК-тест подтвердил отцовство.

Анна стала скупать детские вещи и захламлять ими дом. Секса у нас не было, ее психолог запретил. По вечерам она сидела в обнимку с кошкой и смотрела комедийные сериалы. Засыпала с кошкой в нашей кровати, я переселился на диван в гостиной.

Я старался возвращаться с работы все позже и позже, разговаривать с ней было не о чем.

Когда меня срочно вызвали в командировку, она потеряла ребенка. Врачи сказали, что его можно было спасти, если бы она обратилась к ним на несколько часов раньше, но я им не верю.

Случилось так, что ночью кошка пришла к ней спать и легла не привычно рядом, а на лицо Ани. Она стала задыхаться во сне, и от испуга у нее начались внутренние сокращения. По словам врачей, если бы я был рядом, то помог бы ей прийти в себя, но никого поблизости не оказалось.

Она позвонила в «Скорую», бригада приехала к обеду, в итоге ей дали наркоз и выскобили. Все произошло очень быстро.

Когда Аня вернулась домой, кошка пропала.

Аня собрала все детские вещи и отнесла в приют. Забросила работу и подолгу сидела на кухне, глядя во двор, на играющих детей.

Однажды я вернулся с работы и не нашел ее. Осталось только ведро.

Он помолчал минуту.

– После я встретил ее лишь однажды, через много лет, но она совершенно не изменилась, – продолжил Илья. – В павильоне игр с дополненной реальностью проходила презентация, и друзья притащили меня за компанию. Аня стала прототипом одной героини. Она даже не повернула головы в мою сторону, хотя слышала мой голос.

Казалось, он хотел что-то добавить, но в последний момент передумал, и речь его запнулась.

– Мне часто снятся кошмары, – продолжил он, собравшись. – Я принимал разные препараты, но проблему со сном они не решают. Психолог посоветовал сходить в ваше заведение, хотя в Бога я не верю. Но мне начинает казаться, что есть кто-то выше нас, кто решает, быть нам счастливыми или нет. Так ведь? Иначе зачем эти голограммы, свечи и прочая атрибутика?

Собеседник взглянул на него безучастно, вздохнул и промолчал. Казалось, он вообще не слушал монолог Ильи, а только присутствовал рядом, как тело. Душой он находился где-то очень далеко.

– Почему вы молчите? – не понял Илья. – Я тут душу буквально перед вами излил, о самом наболевшем рассказал, а вы просто молчите. Человек вы или кукла?

– Слушай, ты выбрал базовый пакет. Он включает только одну опцию – выслушать. Я это сделал. На что ты еще рассчитывал? – человек так же устало заглянул Илье в глаза. Он напоминал сотрудника круглосуточного call-центра, которому постоянно приходится выслушивать чужие жалобы.

– Но с таким же успехом я мог бы рассказать все работу!

– Да, это было бы дешевле, и он наверняка посочувствовал бы тебе и даже чем-то помог, если бы программа позволяла. Но ты выбрал опцию «Разговор с человеком». Она дороже, но ты ведь понимаешь, людей в наше время осталось мало и ценность разговора с человеком – самая высокая.

– Но чем ты тогда отличаешься от робота? Ты даже не смотрел на меня, когда я с тобой разговаривал!

– Это все, что входит в базовую опцию, извини. Для диалога следовало брать пакет «Исповедь» либо проходить курс «Очищение души» со священником. У нас же есть F.A.Q., ты ознакомился с ними перед выбором?

– Это нечестно! – возмутился Илья. – Я обращусь в региональное отделение прав потребителей! Сейчас же позовите вашего менеджера по продажам!

– Господь Бог – мой менеджер по продажам, – произнес устало человек, поднялся, вышел в невидимую дверь и воспарил на прозрачном лифте вверх, отрешившись наконец от всего земного.

Мишурा из фантиков и оберток

Алина проснулась и, не вставая с кровати, решила проверить почту на телефоне. Он ждал всю ночь, моргая зеленым огоньком, – заряжался на комоде на расстоянии вытянутой руки, дальше она его не отпускала.

Письма приходили разные: предложения о сотрудничестве, комментарии к записям в блоге, спам, коммерческие заявки («сколько стоит разместить ссылку на наш магазин в вашем инстаграме?»). На их фоне особенно странным выглядело сообщение от незнакомой читательницы: «Помогите, пожалуйста!!!»

Письмо смущило и напугало одновременно: «Добрый вечер, увидела Вашу страничку в инстаграме, мне 33 года, из-за серьезных проблем с сердцем я с 17 лет в инвалидной коляске, перенесла 6 операций, через год, следующей осенью, у меня будет очередная операция, как любая девушка люблю краситься, ухаживать за лицом, может быть, сможете мне прислать косметику? Бесплатно? Буду очень благодарна, жду скорейшего ответа, я не стала бы просить, но у меня сейчас очень трудная ситуация, все деньги уходят на безумно дорогое лекарство, без него я умру, спасибо за внимание! Адрес мой напишу Вам! Спасибо огромное за внимание!»

Ничего подобного прежде Алина не получала. Текст письма ввел ее в ступор. Положила телефон на ладонь, отключила экран и тихонько погладила подушечками пальцев прохладную зеркальную поверхность.

Несколько лет подряд она занималась ведением блога, или, как шутил муж, «собиранием ненужного хлама» и «пусканием пыли в глаза».

В нем она делилась впечатлениями о косметике, делала фото (свотчи, как их называли профессиональные блогеры) теней, помад и прочего, чтобы читателям было легче определиться при покупке. Ей нравилось общаться с «себе подобными», или «косметическими маньяками», как они называли друг друга в шутку.

Читателей тоже хватало, но за много лет как обожания, так и негатива подобное письмо она получила впервые.

Состояние ступора сменила решимость. Быстро, большим пальцем, Алина начала набирать ответ. Было невероятно жаль несчастную девушку, которая не может позволить себе косметику. Как такое происходит в жизни, почему это допускают?!

Недавно она приняла участие в благотворительном флешмобе, вышло удачно: Алина пожертвовала несколько коробок косметики, ее продали по бросовой цене, а заработанное перевели в фонд поддержки бездомных животных. Им купили еды и необходимые лекарства.

Непонятно, кому акция помогла больше – ей или собачкам и кошечкам, но после у Алины прошла ненадолго депрессия, стало легче общаться с людьми.

– Соберу посыпочку бедной девочке, – повторял внутренний голос.

Все необходимое лежало близко: часть декоративной косметики и средств для ухода – напротив кровати, другая – на нескольких полках шкафа, еще немного – в обувных коробках.

По правде сказать, ее банки занимали слишком много места в небольшой однокомнатной квартире, которую они снимали с мужем. Несмотря на то что на каждый праздник для родных и близких на сто лет вперед у нее был заготовлен отдельный пакет с кремиками, шампуньками и лосьончиками, горы из коробок с косметикой только росли, их не становилось меньше.

Алина не очень распространялась об этом (только в инстаграме, для любимых подписчиков), но дополнительно для хранения тюбиков пришлось купить пару комодов в «Икее», которые муж собрал и поставил в прихожей. С каждой полки на нее с укором смотрели банки, тубы, флаконы, торчала тушь, выкатывались пузатые блески для губ и, словно герои известной сказки, просили: «Намажь меня».

Представители марок с удовольствием сотрудничали с Алиной. Кому не понравится молодая и симпатичная девушка, способная с одинаковой отдачей оформлять посты о любых продуктах – дорогих и копеечных – и делать яркие и не повторяющиеся коллажи.

Декор для них хранился отдельно, на балконе. Муж смеялся и называл Алину сорокой, которая тащит в дом все блестящее, украшает гнездо мишурой из сверкающих фантиков и оберток, имитируя лакшери лайф на трех квадратных метрах между сушилкой для белья и старым пылесосом, который жалко выкидывать на помойку.

Получалось это у нее с легкостью. Достаточно расставить банки на большом светлом фоне, положить рядом сухой цветок, солнцезащитные очки, возможно, сумочку подходящего цвета, раскрытый как бы не нарочно глянцевый журнал, вытянуть по всей длине кадра переливающиеся на свету бусы. Несколько перышек, стекляшек, и «сейчас вылетит птичка», которая, как по веткам, поскакет из одной соцсети в другую: пост-анонс, пост-анонс.

Алина спрыгнула с кровати, нашла коробку из-под подарочного пресс-кита и стала скидывать туда все, что могло пригодиться большой девушке.

«Я ее вмig осчастливлю! – воодушевилась после успеха с собачками. – Надо только посмотреть, какого цвета и типа у нее волосы, чтобы подобрать подходящий уход». – Алина вела блог уже несколько лет и могла считать себя профессионалом в вопросах выбора косметики.

Бросила все в кучу, полезла в инстаграм. С фотографий на нее глядела миловидная девушка. Она то стояла, облокотившись на дорогое авто, то, смеясь, обнимала подружек в кафе. Алина замешкалась, перечитала письмо. Снимков инвалидного кресла она не нашла, но легко обнаружила привычное #фотоног.

Решила посоветоваться, как поступить, в сообществе бьюти-блогеров в фейсбуке. Описала ситуацию, нажала «опубликовать». Чтобы не нервничать и не ждать ответа перед монитором часами, заглянула в ванную, умылась, приняла душ, а после составила список покупок.

«Бананы, помидоры, гречка, – одной рукой набирала в блокноте телефона она, а другой стирала набегавшие от щиколоток все выше и выше к бедрам мурашки. – Молоко 1 бутылка, йогурты, зерненый творог, рис, картошка».

Алина старалась вести здоровый образ жизни, одновременно экономить и готовить дома. Работу найти не получалось, тратить весь заработок мужа на продукты было стыдно, пришлось делать вид, что кашка из злаков ей ближе, чем капкейки, пицца и роллы.

Так получалось меньше тратить на еду и дома оставались хоть какие-то деньги, чтобы сходить раз в месяц в кино или купить одежду на распродаже. Да и фотки с кашей, йогуртом и тегом #мойзавтрак или #мирдолжензнатьчтоем смотрелись симпатичнее, чем пирожки с картошкой.

Когда закончила со списком и отправила его по электронной почте мужу (все равно не смогла бы донести продукты до дома), Алина решила проверить фейсбук.

Никто в сообществе не знал, что делать, но некоторые девушки высказались. Надя, давняя знакомая Алины, считала, что отправлять ничего не стоит. По ее словам, такие люди уверены, будто другие им обязаны. «Думают, наверное, мы богатые», – написала она и поставила кучу смайликов.

Света напомнила всем о том, что раньше в истории России так и происходило: забрали у богатых имущество и поделили между теми, кто решил, что нуждается больше. «Все дело в ее предках, – решила Света. – Эта убогая психология ей просто по наследству досталась, не обращай внимания».

Настя рассказала, что читала о таких людях. Они пишут объявления в газетах, будто живут в деревнях и нуждаются во всем – от еды и одежды до любой техники. Она не верила, что кому-то надо столько всего, и предположила: наверное, это бизнес, «хотя, мало ли, может, и правда в России много бедных».

Алине стало совсем нехорошо. Она снова открыла инстаграм девушки. На глаза попалось фото с кофе из «Старбакса», следующее было с кусочком пиццы, а вот улыбающаяся, сияющая здоровьем, несчастная больная стоит в обнимку с подругами, «выгуливает новое платье» в крупном магазине, а вот примеряет смешную шапочку из новой коллекции известной марки.

«И ведь совсем не выглядит больной, – подумала Алина. – Более того, ее жизнь гораздо ярче моей, она постоянно куда-то ходит, чем-то занята. Это я сижу дома, делаю бесконечные макияжи, а после часами редактирую снимки в фотошопе. И хорошо, если пара из них получится удачными! И откуда у нее, черт возьми, телефон с таким высоким разрешением?»

Сначала Алина тихо свирепела, но в какой-то момент не уследила за собой и превратилась в кипящий чайник. Топнула ногой от бессильной ярости и села за ноутбук придумывать варианты ответов. Первый, самый простой: «Пошла ты!» – стерла в ту же минуту, слишком вульгарно и недопустимо даже по отношению к обманщицам. Она ведь публичный человек, это вопрос репутации.

Сочинять второй вариант пришлось дольше. Во время его написания периодически Алина произвольно стучала по клавиатуре и злобно рычала, когда не могла найти подходящее слово.

После долго жала на стрелочку backspace и терпеливо продолжала: «Добрый вечер! Так как вы не подписались, я не знаю вашего имени и как к вам обратиться. Помогите мне понять: вы пишете, что болеете и передвигаетесь в инвалидном кресле, но на фото в инстаграме у вас отличные, стройные ноги и вы на них неплохо держитесь. В чем же дело? Может, вы что-то приукрасили или не договариваете? Может, вы просто очень хотите получить косметику нахаляви, потому что думаете, что ничем не хуже меня? Но почему бы вам тогда не начать вести свой блог, отдавать этому занятию по 6—8 часов в день, а я буду ходить по кафе, встречаться с подругами и смотреть все новинки кино. Может, так и поступим?»

Алина поняла, что и тут ее немного заносит, но уже не могла успокоиться: мурашки взбунтовались – теперь ее порядком потрясывало.

Пошла на кухню выпить чаю, чтобы отвлечься. Еще больше расстроилась, когда вспомнила, что за день не сделала ничего продуктивного ни для блога, ни для соцсетей, ни для себя – только сидела перед монитором. После злополучного письма словно опустились руки, она еще глубже спряталась в ракушку, из которой только начала выбираться на свет, заведя блог.

Конечно, это не очень нормально, когда дома лежит тьма косметики и наверняка не всей ты успеешь воспользоваться – есть сроки годности. Но, как любому коллекционеру, ей нравились баночки – тубы, спреи, бруски мыла, пол-литровые бутылки, исписанные иероглифами, палетки теней и средства для завивки волос, флаконы с духами и щипцы для ресниц, ампулы от морщин и пена для умывания, бесконечная мицеллярная вода и тоники из разных трав, и помады, помады, помады. Они приносили радость и поднимали настроение, их нравилось держать в руках и перебирать, как другим людям марки, пластинки, дорогое вино или украшения.

К тому же доставались они бесплатно. Тратила Алина только время, которое воспринимала лишь как бесконечное вращение двух неравномерных стрелок, так беззаботно она к нему относилась.

Другой, более предпримчивый человек за те же шесть часов в день заработал бы необходимую сумму и купил все, что пожелает, но Алина просто не хотела этого делать. Ей нравилось, как косметика появлялась, словно из небытия, в ее квартирке, отвоевывая все больше и больше пространства. Она привыкла обрасти ненужными вещами, которые скоро придется выбросить на помойку.

Может, именно поэтому работа и не находилась, но развивать мысли о связи безработицы с блогом было равнозначно окончательному скатыванию в депрессию.

Чай оказался слишком горячим и обжигал язык и гортанный, но стало немного легче. Алина занялась уборкой, а после углубилась в кулинарные книги, готовка успокаивала. К вечеру соорудила для уставшего мужа нехитрый ужин – крем-суп и бадейку салата.

– Что празднуем? – не понял тот.

– Мой нервный срыв, – ответила Алина и рассказала о письме.

Когда муж читал его, то периодически кривился, словно от зубной боли. Казалось, ему физически неприятна эта ситуация. После долго молчал. Алина очень настойчиво просила высказать свое мнение. Он еще тянул какое-то время, молча пил чай вприкуску с сахаром, старался перевести тему, но разговор все равно возвращался к одному и тому же предмету.

Поначалу он хотел рассказать ей об одном случае, который вспомнил сразу, стоило только прочитать письмо, но не смог – только покусал губы, но так и не произнес ни слова.

Постыдными поступками он не делился ни с кем. Близкие знали его другим – честным, ответственным парнем, на которого можно положиться.

Сегодняшний образ совсем не вязался с ним 13-летним. Особенно в тот день, когда он вместе с одноклассниками украл («Мы просто взяли на время», – скорректировал внутренний голос) у дяди инвалидное кресло, пока тот спал, и укатили к подземному переходу.

Пацаны перемазали ему лицо грязью, порвали штаны и рубашку, и он притворялся больным, припадочным – вполне натурально стонал, подывал и пел какую-то жалостливую песенку, скривив рот. Даже слюни пускал! Не зря играл в КВН и школьных спектаклях: люди приняли выступление на ура. В шапку, которую бросили рядом с коляской, набралось много денег.

За вечер они заработали столько, сколько не удавалось родителям за месяц, но на радостях не заметили, как к ним подошли разношерстные, уродливые люди – «профессиональные нищие».

Они так сильно избили мальчишку, что один в итоге попал в больницу с переломом ребер («Он был очень толстый и просто не углялся за остальными», – успокаивала совесть).

Про коляску подростки от страха забыли, оставив у перехода, и бродяги ее сломали, да так, что та не подлежала ремонту. Дяде пришлось сидеть дома почти полгода, пока родители не выплатили долг за новую. Деньги у детей отняли нищие.

Он устроился на автомойку, чтобы поскорее выплатить долг. После уроков вместо спортивной секции ходил и до вечера мыл чужие машины. Так у него появилась аллергия на чистящие средства. В секцию вернулся, как только отработал долг.

Алина заметила сильный перепад настроения у мужа и решила его не беспокоить. Знала, что тот сильно устает после работы, и дала ему возможность немного побывать в тишине, помедитировать. Подождала, пока сам не позовет.

Через несколько минут он предложил помочь. Сел за ноутбук, быстро набрал текст.

Получилось неплохо: «Добрый вечер! Спасибо, что написали, мне очень приятно, что вы меня читаете! Я могу отправить вам косметику, но у меня нет возможности оплатить услуги доставки – почты или курьера (на ваше усмотрение). Так что, если вы готовы потратиться на пересылку наложенным платежом или курьером, напишите мне. С уважением, Алина».

Сама бы она такой текст точно не сочинила. Нажала кнопку «отправить». Дело сделано.

Алина глубоко вдохнула, выпрямила начавшую ломить спину. На выдохе стало невероятно легко, словно тело очистилось от заразы, вируса или тяжелой болезни.

Ответа не последовало ни в этот день, ни на следующий, ни даже через неделю.

Кусок пластика

Настя прислала смс – больше не придет, забудь, прости-прощай. Нужно привыкнуть: сначала осознать, после – смириться. Ну, изменится уклад, подумаешь: раньше она будила по утрам, теперь будет просыпаться сам. Поставит громкую мелодию на телефоне, делов-то.

Общие друзья наверняка подтянутся за ней, ведь это ее друзья. У него, кроме школьных, и не осталось никого. Правда, общались они раз в пять лет, отмечали годовщины выпуска, а после его переезда из родного города все заглохло. Не до того было – Настя и работа занимали все время.

Они что, сговорились, что ли? На экране телефона высветился номер матери: ну, сколько можно клянчить деньги? Должна понимать, у него тяжелый период – разрыв отношений. Деньги сами себя не заработают.

Сбросил звонок. Добавил ее в черный список. Сам наберет, когда будет нужно.

Отвлечься. Нужно отвлечься. Идея! Надо снова с одноклассниками завязаться! Зашел в фейсбук, восстановил пароль, сделал селфи, обновил фото профиля. Нашел всех, с кем общался раньше, отправил запросы в друзья, написал каждому стандартное «Привет!!! Как ты??! Помнишь меня?)))»

Включил уведомления и звук на телефоне. Сел ждать.

Прошло минут 10, никто не отвечал. Только мать звонила и звонила, а черный список обновлял количество пропущенных звонков. Набралось 15. Совсем обнаглела.

Он пересел за комп и стал всматриваться в лица девчонок, с которыми учился раньше. Больше всего понравилось, как выглядит сейчас Оля. Они не виделись лет двадцать точно, на встречи она не приходила ни разу, он бы запомнил.

В младших классах Оля носила круглый белый бант, который, казалось, естественным образом вырастал из ее головы. Каждый день одинаково круглый и чистый, как такое возможно?

– О, Костя! Привет, дорогой, очень рада! – она как будто прочитала его мысли и вышла онлайн так быстро, что он не успел вспомнить, какого цвета у нее глаза.

Он ощутил что-то вроде воодушевления: мурашки протрусили к мочкам ушей и приятно защекотало под языком. Он бросил пару комплиментов, и одноклассница проглотила наживку моментально, как гигантская рыба, оторвав крючок, уносится куда-то на глубину.

Она рассказала, что работает бухгалтером, но мечтает стать кондитером и печет иногда торты на заказ для знакомых. Про семью не упоминала, зато выложила много сплетен об одноклассниках.

– Толик сейчас преподает танцы в одном клубе, помнишь его – самый толстый парень в классе? – она ставила много смайликов и быстро печатала. Ему понравилось, что отвечает она быстро, не строит из себя царицу.

Он просидел в мессенджере весь остаток вечера. После телефон засыпало фото, буквами. Мессенджеры, ватсап, телеграм, и вот он уже звонит ей по скайпу, и они весело болтают. Как будто снова вернулись в прошлое, минуя прожитые годы, разочарования, горести и возраст.

Почему-то было приятно вспоминать о времени, когда они ничего не контролировали и не решали. Особенно те времена, когда от них требовалось только делать уроки, слушать родителей и не облизывать качели на морозе.

– А помнишь посвящение в пионеры? Жаркий день, мы долго шли на площадь, «ведь иначе все будет не по-настоящему», – он передразнил голос учительницы, – и Антон зачем-то

взял с собой дога? Его белые яйца покачивались прямо перед лицом Сереги, который вырос-то толком только к выпускному.

Оля заливишо хохотала по другую сторону монитора, вытирая ладонью слезы.

– Они так и стояли, – вспоминал Костя, – сначала Ленин, за ним учительница младших классов, а после мраморный дог.

– Три сторожа коммунизма! – расхохоталась снова Оля. – Прям как Сталин, Ленин, и… кто там третий?

– Энгельс!

Как сейчас он видел Арину Аркадьевну, которая доставала кроваво-алые галстуки и повязывала их под присмотром памятника и собаки. Они разевались на ветру, как дикие цветы с неведомой планеты. А после дети шли обратно в школу, уже неспешно, с чувством выполненного долга, счастливые, как будто случилось что-то невероятное.

Оля стала его главным развлечением, с нее начинался каждый Костин день: стоило проснуться и включить экран телефона, там обязательно мигало новое сообщение.

Косте начало казаться, что он жил где-то неподалеку, в ее сумочке или кармане. Поставил телефон на вибрацию, чтобы сразу узнавать о новой весточке.

Кроме нее, ему больше никто не писал – общение с остальными одноклассниками не заладилось. Они уже больше не встречались, а обсуждать хотели только зарплаты и должности. Общие с Настей друзья предсказуемо выбрали Настю. Оставалась только воображаемая Оля.

Она отвечала быстро, часто шутила, с Олей было комфортно – не грузила своими проблемами и не задавала лишних вопросов. На работе он выключал телефон и возвращался к разговору, когда был свободен.

По вечерам они обсуждали новые фильмы, сериалы, шутили о еде, его привычках. Как-то он пошел в магазин и не мог решить, какие ботинки выбрать. Отправил пару фоток Оле, она помогла. Игра ей понравилась, и через пару дней она отправилась за нижним бельем.

Однажды в их отношениях случилась катастрофа – кто-то украл у нее телефон, и он рвал на себе волосы целый день, куда же она запропастилась? Когда вечером получил сообщение в фейсбуке, сразу купил ей новый в онлайн-магазине, нужно было только забрать.

Было приятно смотреть, как Оля щебечет от счастья. В тот день она вышла в скайп с работы, чтобы поблагодарить его, ведь это было совершенно не обязательно. Ей шла улыбка, а ему доставляло радость видеть ее такой.

Через пару месяцев ему начало казаться, что так было всегда, и он расслабился. Пока не завибрировал телефон и он не принял звонок. Звонила мать с незнакомого номера:

– Почему ты не отвечаешь, мне нужно серьезно с тобой поговорить! – возмущалась она.

– Это по поводу денег? – сухо спросил сын.

– Да… – начала было мать, но Костя ее прервал:

– Сколько тебе нужно?

Она назвала сумму.

– Я перечислю тебе их на карту, жди. Но это в последний раз, – и он завершил разговор.

После в течение минуты перевел деньги.

Пришло новое сообщение от Оли – забавные селфи с прогулки по городу. О матери он больше не вспоминал.

Наверное, это было неправильно, но Костя совершенно не интересовался жизнью Оли. Он видел ее только на тех фото, которые получал, и на паре картинок профилей в разных соцсетях. Ему больше нравилось воображать, достраивать образ до собственного идеала, чем выяснять, какая она в реальности, и подстраиваться под заданные условия.

Один раз он уже проходил это с Настей, ничего не вышло, не стоит повторять снова. На этот раз правила его и все будет по-другому. Просто общение и удовольствие от него.

Где-то через год Косте стало интересно, как выглядит и чем живет женщина, с которой он проводит столько времени. Фейсбук прислал уведомление о годовщине дружбы, иначе он бы не вспомнил. Сделал скриншот, переслал Оле с вопросом:

– Может, встретимся? Пообщаемся в реале? Как ты, не против?

Она не отвела поглядя. После написала:

– В ближайшее время не смогу, извини.

И исчезла на сутки. Он словно тоже куда-то провалился – маялся по дому, ничего не узнавал, не знал, чем заняться. Посмотрел пару фильмов, убрался в квартире, сел было за книжку. И тут пришло сообщение:

– Кажется, я заболела, извини. Выпаду на пару дней. Не скучай!

Он заволновался, задал миллион вопросов, но ответов больше не получил – она была онлайн во всех соцсетях. Мало ли, подумал, может, и правда плохо человеку.

В первый день без нее было скучно: он исправил все «висяки и косяки» на работе, сходил в супермаркет и изучил все разновидности макаронных изделий. Купил листы для лазаньи, но забыл помидоры. Вернулся за ними, приготовил лазанью, поел.

Телефон молчал.

Не удержался, сфотографировал еду и отправил Оле, похвалился. Скачал пару новых сериалов, начал смотреть, уснул.

На следующий день ничего не изменилось. Он отправил ей несколько сообщений в разные соцсети, спросил, как дела, как она себя чувствует. Телефон, который он раньше не выпускал из рук, превратился в бесполезный кусок пластика и напоминал пульт от телевизора, которого у него не было. Он не знал, куда его деть и зачем тот вообще нужен.

На третий день он почти уверил себя, что мобильный сломался: взял домашний телефон, от которого не отказывался по каким-то сентиментальным причинам, набрал собственный номер. Работает.

Заняться было нечем. Он открыл ноутбук и стал гуглить Олю, все, что есть в сети. Нашел профили в нескольких соцсетях, почтальон ее твиты, старые посты в фейсбуке, полистал инстаграм. Никакой информации о семье или близких – казалось, она живет в вакууме.

Добавил в друзья еще несколько одноклассников в разных соцсетях, особенно тех, кто не уехал из города, а остался жить там, рядом с Олей. Вспомнил родной город: маленькие разваливающиеся деревянные дома в центре; людей, чистящих снег огромными лопатами около дома и посыпающих дорожки пищевой солью; пекарни и закоулки, где можно выпить рюмку пойла и закусить его сочной шаурмой.

Терпения хватило на месяц. Он снова написал Оле и снова не получил ответа. Через пару дней заметил, что та везде его забанила, – ошибки быть не могло. А еще через неделю он уже ехал в родной город, на поезде – впервые за двадцать лет. Купейные вагоны были заняты, так что взял плацкарт, пока запал не пропал.

Адрес у него был приблизительный: никто из тех, кого он спрашивал, не помнили номера ее квартиры – то ли 33, то ли 38. По словам одноклассников, она с тех пор так и не переезжала. Стоило попробовать оба варианта.

В вагоне воняло, напротив сидел неприятный мужчина спортивного телосложения с широкой шеей, на которой красовалась здоровенная шишечка, и что-то обсуждал по телефону.

– К концу недели пять рублей вернешь, – собеседник на той стороне трубки был не согласен и неразборчиво забулькал в ответ. – С чего? – заорал мужик так громко, что сам подпрыгнул. – Я за тебя рубль там, рубль здесь, вот и набралось. Ты че там думал себе? У нас незаме-

нимых нет, запомни! Меня слушай, сюда! – Казалось, вагон качается не от того, что едет по рельсам, а от его истошных воплей.

Проводница разносила чай, подстаканники постукивали в ритм движения поезда. Она изящно обогнула мужчину и поставила один для Кости на столик.

Улыбнулась, задержала взгляд. Нерешительно качнулась, удержала равновесие, негромко запела приятным, низким голосом и пошла дальше. Улыбка таяла на глазах и сошла на нет, как только она добралась до следующего пассажира – грузного мужика, постукивающего вареным яйцом по столу.

Костя снял свитер. Было не то чтобы жарко, просто, когда он нервничал, сильно потел. Так повелось еще со школы: стоило выйти к доске, как мел предательски намокал в пальцах и отказывался писать, а тряпку можно было и не мочить.

Сходил в туалет, умылся. В окне мельтешили ветки бесконечных берез и сосен – палки, палки, и ни одного огуречика. Пару раз встретились коровы, однажды лошадь повернула голову как будто в его сторону, но быстро отвлеклась на сено под ногами.

Телефон лежал в правом кармане рубашки неподвижно. Бестолковая пластиковая коробка. Он залез на верхнюю полку, немного приподнял ноги, чтобы не задеть никого в проходе, и стал рассматривать фото, которые Оля присыпала раньше.

Вот она сидит в кафе и машет ему рукой. На столике – чашка капучино, сверху – облако пенки, а на нем несколько сердечек. Что это – ненавязчивый намек или ему показалось?

На другой – ее кошка, спит и, кажется, улыбается во сне. Он не любил кошек, но фото получилось забавным.

Мимо прошел какой-то мужик и все-таки задел его ногу плечом. Даже не повернулся. Неудобно, Костя лег на бок.

Пока он рассматривал фотографии, на нижнее место тихо подсел парень и даже успел расстелить постель. Спускаться теперь будет неудобно.

Широкошней улегся напротив Кости, тоже на верхнем, и, кажется, заснул. По крайней мере, лежал с закрытыми глазами и не шевелился. Молодец, умеет от всего отвлечься, даже несмотря на невроз. Одно из мест снизу все еще оставалось свободным.

Костя так не мог, он повозился еще немного и встал. Прошелся пару раз туда-сюда по коридору. Каждый раз ловил неловкие взгляды обитателей соседних с ним ячеек, где люди также ютились в неудобных позах, словно большие звери, которых засунули в клетку для канареек, или подросшие дети, которых хотели вернуть в состояние эмбрионов.

Через пару часов последнее свободное место заняла бабка, достала сумку на колесиках, проехала ей по ногам парня напротив, вынула оттуда большой пакет и стала солить помидоры крупной солью, жевать заранее сваренные яйца с горбушкой черного вприкуску и запивать все это чаем из термоса.

Она ничего не говорила, только чавкала. После собрала весь мусор в пластиковый мешок, зашитый в паре мест, закрыла сумку на молнию, легла лицом к стене и захрапела.

Делать было нечего, и Костя снова залез на свою полку. Нужно было взять книгу или хотя бы наушники, чтобы послушать музыку на телефоне. Он попробовал читать, но так еще больше захотелось спать.

Раздался звонок, и у него ухнуло сердце, но оказалось, что это Настя. Просила перезвонить матери.

– Я в командировке, – ответил он и завершил разговор. Умеют же испортить настроение.

Вскоре выключили свет, и выбора не осталось – он заснул, поджав ноги. Когда утром открыл глаза, старуха вытирала слезы, сидя у столика, вагон провонял корвалолом, а у его ног стояли двое людей в штатском. Он резко поднял голову и ударился о потолок.

– Что случилось?

Две головы в синих шапках повернулись в его сторону.

– Да вот, ЧП произошло ночью, – сказал нехотя один и махнул в сторону полки широкощеего. Она была пуста.

– Не понял? – уточнил Костя.

– Помер он, милок, – сказала вдруг старуха и всхлипнула. – Ночью во сне скончался. – Она достала платок и громко высморкалась.

– Детали смерти уточняются, – добавил один из полицейских. – Похоже на отравление. Врач сказал, что яд попал в организм еще до того, как он сел в поезд. Вроде как уже умер, когда оказался в вагоне, дальше дело физиологии. Вы не в курсе произошедшего? Ночью ничего необычного не слыхали?

– Да нет, – удивился Костя. – Я спал.

– Может, оно и к лучшему, – заметил один из полицейских. Они постояли еще немного рядом со старухой, пощупали постель, заглянули на третью полку и, не найдя ничего, молча ушли.

Ехать предстояло еще полдня. Через час место широкощеего занял какой-то мужчина в костюме, который быстро переоделся в футболку и трико, а костюм повесил на вешалку. Застелил белье, залез на полку и закрыл глаза. Никто не решился рассказать ему, что случилось с пассажиром, который спал здесь несколько часов назад.

Город встретил гимном. Цыгане, замотавшись в шали, бродили по перрону, от торчащих из широких цветастых юбок тонких ног веяло холодом. Костя поскорее забежал в здание вокзала.

Адрес был записан в телефоне, как проехать, он помнил с детства. Оставался животный страх перед всей этой ситуацией, в которую он незаметно для себя втянулся. Казалось, размотай он клубок до конца – и жизнь изменится в лучшую сторону.

Выпив теплой и безвкусной водки в привокзальном кафе, Костя двинулся на остановку троллейбуса. Забрался внутрь, сел по ошибке на место кондуктора, проехал пару остановок, пока несколько человек не подошли и не предложили ему денег за проезд.

Олин дом он успел изучить в гугл-картах вдоль и поперек. Не учел, правда, что тот огорожен, видно, карты не обновлялись какое-то время. Пришлось ждать сердобольных соседей и заскакивать вслед, сначала во двор, а после в подъезд. Позвонить и предупредить о своем приходе он не решился.

И торт не купил. Хотя очень хотел поначалу. Не мог объяснить себе почему.

Вот и дверь. Вдохнул, выдохнул, закрыл глаза, почесал лоб.

Он не мог. Тупо не мог нажать на маленьющую кнопку звонка.

По ощущениям это напоминало сдачу крови в школе, когда в палец резко тыкали какой-то противной железкой, после которой ранка заживала почти неделю. Самым мерзким было ожидание той доли секунды, когда металл пронзал кожу, казалось, что оно длится вечность.

Дальше все будет очевидно, но, кажется, он не был к этому готов. Покурить бы, но он не курит. Потоптался в подъезде, потом резко, как Брюс Ли в фильмах юности, нажал на кнопку звонка.

Ничего.

Нажал еще раз. И еще. И, кажется, раз сто после этого. К такому повороту он был не готов. Дернул дверь тамбура. Она легко распахнулась. Зашел внутрь. Около двери был еще один звонок. Нажал на него.

И еще несколько раз. Да что это такое вообще?!

С силой пнул дверь ногой.

Изнутри донесся детский голос:

– Кто там? – и затаился.

Костя постучал в дверь костяшками пальцев. Через пару минут ее открыл мужчина, поразительно похожий на широкошеего из поезда.

— Я вас слушаю, — произнес он размежено, что-то жуя и почесываясь. Из квартиры повеяло борщом.

— Мы проводим опрос среди жителей этого дома. Услугами какой компании вы пользуетесь для подключения телевидения? — Костя даже не слышал, что говорил, просто нес какуюто чушь, а в голове шумел океан.

Казалось, прибрежная волна сейчас накатит и смоет его окончательно. Он даже покачивался, но старался держаться ровно. Костя вспомнил, что не ел почти двое суток, только хряпнул водки для храбрости, вот и повело в тепле.

Мужчина сказал, что они не смотрят телевизор, но Костя все задавал и задавал вопросы. Всю ту чушь, которую мужественно терпел от сотрудников рекламных служб, когда те так же хитростью проникали в его дом. Она словно засела у него где-то в подкорке, настолько профессионально и четко он вел беседу.

Она должна знать, что он приехал, она должна его увидеть. Мужчина у двери, кажется, немного устал от препирательств, пока издалека не раздался голос женщины. Она орала пронзительно и визгливо:

— Уходите отсюда, а не то я вызову полицию!

Он попытался еще что-то сказать, но женщина продолжала визжать. Он хотел заглянуть, но путь преграждал мужчина, занимавший весь дверной проем. Это не могла быть Оля, она никогда не кричала, всегда улыбалась.

— Извини, парень, — сказал мужчина и с грохотом захлопнул дверь.

Над глазком блеснули металлические тройки, острые, как буквы S на форме эсэсовцев. Он достал бумажку с адресом, проверил. Да какая разница уже.

Костя услышал мат. Сначала материли его, после женщина уже орала на кого-то из домашних. Через пару минут раскрылась дверь, и женская рука метнула в сторону Кости телефон. С ее фото, их перепиской и всеми ее контактами. Кроме Кости в нем не было никого.

Он вышел на улицу, ударил ее телефон несколько раз об асфальт, а после раскрошил пяткой вдребезги. Когда руки перестали дрожать, сел в такси на углу.

— А ты смелый парень, — прокомментировал его действия шофер. — Я бы точно так не смог, у меня в телефоне вся жизнь.

Костя молча кивнул. Нужно взять обратный билет на поезд, позвонить матери и извиниться перед Настей.

Руководство к действию

Почтовый ящик напоминал мусорный: частные конторы предлагали поставить газовые счетчики и проверить пластиковые окна, хозяева нового винно-водочного приглашали на открытие, газета-агитка манила на выборы.

Наталья смела листовки в сумку – на работе разберемся.

Настроение дня зависело от гороскопа, его следовало прочесть сразу после включения компьютера. Никто не смел ее отрывать, пока творится волшебство.

Сегодня советовали не планировать важных дел и ответственных встреч, а лучше отдохнуть в приятной компании. Реальность, как всегда, переворачивала все с ног на голову: ее срочно вызвал Сам.

Наталья примерно догадывалась, что ее ожидает: у начальника была небогатая фантазия и пара-тройка сценариев, которые он любил разыгрывать с подчиненными. Те, кто не хотел с ним играть, обычно писали заявления по собственному желанию.

Оставались только отчаянные вроде нее: должники по крупным кредитам, алиментам, ипотеке. Те, кому было что терять.

Вошла в кабинет осторожно, чтобы заранее предугадать, какую роль он подготовил для нее сегодня. Расчет экономил нервы и силы: из-за каждой мелочи начальник любил орать так, чтобы было слышно не только в соседних офисах, но и на улице.

Сам сидел в сверкающем от чистоты кабинете, где ни одной пылинке не разрешалось парить свободно в присутствии шефа. Выглядел как обычно – в строгом темном костюме в мелкую серую полоску, кипельно-белой рубашке и ботинках из лаковой кожи, в которых отражалось все вокруг, правда, вверх ногами. В отличие от Натальи, его волосы были уложены идеально, волосок к волоску.

Кажется, она угадала, какой из сценариев он выбрал сегодня. Судя по опухшим глазам секретарши в коридоре, ему опять нужна новая игрушка.

«А начнет свой монолог он примерно так», – подумала Наталья, взмахнула невидимой палочкой – и понеслось...

– Слушай, как там тебя, – начал он с привычного обращения.

– Наталья, – подсказала она.

– Так вот, Натусик, – продолжил Сам бодро. – Ты же кадрами у нас занимаешься, да? Так вот, милая, мне уже сейчас нужна новая помощница.

– Что не так с Ириной? – уточнила Наталья.

– Ну не встает у меня на нее! – взорвался начальник. Он поднялся с высокого ортопедического кресла и подошел вплотную к ней. Придал голосу нотки отчаяния, но глаза дырявили ее безразлично, как волк когда-то живое существо. – Страшная она, как моя жена. – Наталья вспомнила ухоженную, пропитанную силиконом супругу начальника, которая, как и он, напоминала куклу или робота. – Убери ее куда-нибудь. Найди мне новую, молодую, красивую. Хочу свежее мясо, а не эту... требуху... – его аж передернуло. – И чтобы кофе вкусный варила. Неужели сложно? Невыполнимые задания дает начальник? Уволься тогда, найди другую работу. – Он рассмеялся и легонько стукнул по стенке шкафа, помнил – внутри много хрупких наград и дипломов в стеклянных рамках. Вроде и истерика, и ничего не разбил, красавец. Мельком взглянул на свое отражение в стекле, покрасовался, сделал воображенное селфи.

– Так, доставай блокнотик, или что там у тебя, записывай, – блаженно рухнул в кресло и приготовился диктовать, приняв удобную позу и закинув ноги на стол. Очень он любил это дело, и всем сотрудникам приходилось носить с собой блокнотики, на случай, вдруг его так же начнет припекать. – Пиши, короче: блондинка, хорошенькая, послушная, чем моложе, тем лучше. Рост примерно метр шестьдесят, округлые бедра, размер груди максимум третий.

– Образование? – подсказала Наталья.

– Любое, в крайнем, по ходу научится. Делопроизводство там, что еще требуется? Высшее нежелательно, шибко умных не надо мне. Так, дальше пиши. Умение варить кофе и радовать начальство.

– Радовать? – переспросила она.

– Да, и допиши там: в любое время. Ненормированный график. Чтобы позвонил ей – и приехала, когда надо. Зарплата та же, как у последней была, уточни сумму в бухгалтерии. Все записала? Ну, иди тогда, думай, ищи. Работай, короче.

Наталья уже встала и направилась к выходу, как он внезапно произнес:

– Чашки у вас сегодня пойду проверять. Тем, у кого опять грязные окажутся, объявлю выговор и премии лишу.

Она уже давно на него не злилась, эмоции будто испарились.

Наверное, это случилось, когда кто-то из мужчин в офисе рассказывал, как обиженный сотрудник вывез его однажды зимой за город на трассу, выбросил из машины и уехал. Только к вечеру Сам вернулся пешком домой. Тогда всем показалось, что начальник понял, за что его ненавидят подчиненные, но нет, адекватности хватило примерно на месяц, а затем все началось снова. На что тут обижаться?

После сотрудники стали игнорировать его, выполняя работу спустя рукава: женщины взяли, читали книги, раскладывали пасьянс или косынку, одна даже принесла как-то на работу хлебопечку и поставила рядом с компьютером под стол. Успевала испечь буханку к обеденному перерыву и еще одну на ужин для дома.

Когда Наталья рассказывала кому-то об истериках начальника – мужу, родным или знакомым, – никто не верил, смеялись только, мол, что ты выдумываешь. Причин для увольнения у нее не было, разве что собственная, «слишком богатая фантазия», как любила повторять свекровь. «Потерпи, другого такого денежного места точно не найдешь».

К концу дня Наталья так устала скрываться, что готова была уволиться, лишь бы не искать новую секретаршу для Хозяина, как его прозвали мужчины в курилке. К тому же она не могла поступиться советами из гороскопа, они никогда не ошибались.

Домой вернулась раньше мужа, заварила чай, вспомнила про бумажки, которые сгребла в сумку утром не глядя, и разложила их на столе. В газете нашла интересный рецепт, аккуратно вырезала его и прикрепила магнитиком на холодильник. Календарь садовода читать не стала, до пенсии еще долго. Положила газету поверх стопки с рекламными листовками, чтобы после отправить всю кучу в мусорное ведро, и случайно бросила взгляд на фото мужчины с обложки, очередного депутата, баллотировавшегося в местное правительство.

«Заштитим дороги от дураков!» – обещал заголовок. Дальше шла фамилия. Наталья достала из сумки ручку, слегка заштриховала лицо, придав более худощавый вид, пририсовала волос на лбу. Таким она запомнила Сашу в последнюю встречу.

Университетская влюбленность. Он учился на курс старше, казался взрослее и серьезнее их, первокурсников. Смотрел свысока, читал заумные книжки, качался и играл в футбол за университетскую команду. Говорят, неплохо.

Никогда не обращал на нее внимания, хотя они пересекались несколько раз. Однажды перевозили книги из корпуса в корпус, он помогал складывать их в грузовик – буквально передавали из рук в руки, даже шутили вместе.

После она специально подходила к аудитории, где по расписанию у него была пара, и наблюдала, как Саша стоит в коридоре, разговаривает с друзьями. Все замечали ее, он даже не поворачивался.

Когда он оканчивал универ, Наталья испугалась, что не увидит Сашу снова, и через пару десятков знакомых, не меньше, достала его номер телефона. Сама, запинаясь, пригласила на свидание. Вернее, сказала, что выиграла в конкурсе билеты в кино (это было правдой) и ей не с кем пойти, может, он составит компанию? Саша согласился.

Уважаемые горожане! Всем известно, что кандидат в депутаты – это главный борец за интересы города. Я, гражданин Российской Федерации, и я готов блюсти их от лица каждого из вас. Жить так, как раньше, я больше не позволю!

Смотрели старый фильм Полански. В зале сидело человек пять, один спал. Саша весь сеанс молчал, только однажды громко рассмеялся, когда кто-то с заднего ряда случайно уронил бутылку и та с грохотом покатилась к экрану, словно так было специально задумано.

После они вышли на улицу, и он повел ее в парк неподалеку. По дороге купили пиво и поначалу весело болтали. Чем больше он пил, тем менее общительным становился. Через пару часов Наталья решила пойти домой, но Саша спросил:

– Зачем торопиться? Давай еще по пиву?

Она нерешительно согласилась. После нестерпимо захотелось в туалет. Поблизости, как назло, не было ни одного кафе. Кавалер посоветовал забежать за дом, «здесь так все делают».

Наталья послушалась. Она не ориентировалась в этом районе, и, сидя на карачках со спущенными трусами, глядя на растекающуюся в полутьме лужу, стало страшно. Нужно бежать от пьяного и скучного спутника, но куда – она не знала.

Осталась с ним, казалось, так безопаснее: уже не очень прочно стояла на ногах, да и решительно хотелось домой. По крайней мере, этот точно проводит.

Что такое будущее? Это не отдаленная перспектива, как вам кажется. Будущее начинается уже сегодня, и только от вашего выбора зависит, каким оно будет – светлым или таким, как прежде. Ведь каждый из нас несет ответственность за свои поступки и действия.

Когда вернулась, Саша был уже сильно пьян. Кажется, он пил не только пиво. Наталья осторожно спросила, как отнесется его девушка к тому, что они сидят тут вместе и выпивают.

– Как – никак, нет у меня больше девушки. Иначе сидел бы тут с тобой! Я же ве-е-ерный, – протянул он протяжно и рассмеялся.

После схватил ее с силой за руку и потащил к такси – свободная машина стояла неподалеку. Наталья не понимала, с чего вдруг он проявляет такую галантность, пока Саша не оказался рядом на заднем сиденье.

– Провожу тебя, – пояснил он.

Основа моей программы – создание подходящих условий для жителей нашего города. Благополучие начинается с ощущения уюта – во дворе, в подъезде, на улице. К сожалению, условия нашего обитания еще не близки к идеальным, и именно это я и хочу изменить.

Когда они подъехали к дому и вышли из машины, Саша встал рядом и внезапно резко обнял ее. Не пытался целовать, а просто как будто не хотел отпускать домой.

– Пошли, – сказал через минуту, и Наталья, сколько ни сопротивлялась, не смогла найти уловку, чтобы оставить его на улице.

Открыла дверь. Он вошел внутрь. Разулся, качаясь, а после прошел в комнату, уверенно сел на диван, ровно по центру, расставив ноги.

– Иди сюда, – похлопал ладонью рядом.

Хотелось бросить связку ключей ему в лицо и закричать, но не получилось. Она еще надеялась, что кто-то придет и вышвырнет эту тварь отсюда. Словно ты тонешь на глубине и не можешь пошевелиться, цепенеешь, замираешь, как лягушка в аквариуме, растопырив лапы. Или во сне, когда достаточно крикнуть, чтобы проснуться, а ты не можешь раскрыть рта.

Существуют проблемы, которые нужно решать в первую очередь. На мой взгляд, основная проблема заключается в отсутствии полноценных коммуникаций, отсюда и системные сбои разного уровня. Именно их я и попытаюсь исправить.

Послушалась, села рядом, он начал тискать, сдирать одежду. Поначалу выкручивалась и отпихивала его руками, но Саша был сильнее. Такой привлекательный издалека, вблизи он не вызывал ничего, кроме отвращения.

С легкостью спустил джинсы, сорвал трусы, навалился всем телом, поерзал сверху, и через минуту она ощутила липкость, которая разлилась по внутренней стороне бедер. Выташил член, напоминавший корнишон, настолько крошечный, что Наталья даже не почувствовала его внутри.

Стало смешно, и, несмотря на неловкость, она не смогла скрыть от Саши улыбку: стоило ли проделывать столько усилий ради этого?

Сходила в ванную, подтерлась салфетками, вымыла руки и пошла на кухню ставить чайник. Саша остался в комнате на диване.

Что мешает соответствующим службам договориться и действовать последовательно и согласованно? Учитывая ваши пожелания, моя команда разработала документ, который является моим руководством к действию на ближайшие пять лет. Вы – мои соавторы.

Налила чаю, открыла ноутбук, проверила почту. Зашел Саша, сел рядом.

– Что делаешь?

– Проверяю почту.

– Зачем?

– Жду письма.

– Часто пишут?

– Пишут.

– Ты знаешь, пожалуй, я пойду.

– Иди.

– Я тебе еще позвоню. – Он быстро оделся, вышел в подъезд, опустив голову, как побитая собака. Не спросил номера и больше не появлялся в ее жизни. Как-то столкнулись лицом к лицу на улице, но он прошел мимо, отвернувшись.

Мы выбираем будущее, так как хотим быть счастливыми, видеть наших близких здоровыми. Я хочу, чтобы мы помнили, что являемся наследниками величайшей в мире культуры. Это ко многому обязывает.

Хоть это был не единственный случай, когда она теряла контроль над собой, воспоминание показалось чужим. Наталья так активно стирала его из памяти, что теперь оно воспри-

нималось скорее как фильм, на который попадаешь не сначала и какое-то время не можешь сориентироваться в сюжете.

Воспоминание заставило ее снова почувствовать себя беспомощной. Из далекого прошлого вернулось ощущение, которое она порой испытывала только на работе и которое, казалось, могла контролировать.

Весь оставшийся вечер Наталья лежала в кровати и смотрела комедийные сериалы, просто чтобы не думать ни о чем. Сравнение событий прошлого и настоящего смущало ее, она не могла понять, почему ей кажется, что они рифмуются, «хотя это не так», повторяла она шепотом. Мужу сказала, что плохо себя чувствует, тяжелый день на работе, и даже не соврала.

Гороскоп следующего дня обещал спокойствие, удачные совпадения и успехи, которые откроют путь к новым карьерным вершинам.

Воплощаться обещанное начало с раннего утра: помощница нашлась практически сама, ее привела бывшая секретарша.

Стройная, с тонкими запястьями, изящная, вся в черном, практически без косметики. Наталья ожидала увидеть на ее месте официантку Анжелу из соседнего бара или девушку из эскорта, но не такую неприметную мышку. Хотя было что-то животное в ее взгляде, какая-то влажность в глазах. Наталья украдкой смотрела на нее, но не могла разобрать.

Начальник велел Наталье как можно скорее оформить ее на работу.

– Образование? – задала она стандартный вопрос. Все документы лежали на столе, но некоторые детали требовалось озвучить.

– Педагогическое высшее, – девушка чувствовала себя спокойно и даже уверенно. В строгом платье по фигуре, без бижутерии, только одно кольцо поблескивало на пальце.

– Семейное положение? – продолжила Наталья.

– Замужем, один ребенок.

– Вы осознаете, на какую должность устраиваетесь? – переспросила удивленно Наталья.

– Да, – уверенно ответила девушка. – Я внимательно прочла… требования к кандидатуре.

Все было понятно и по собеседованию. Меня все устраивает, не беспокойтесь, – она улыбнулась. – Вы просто никогда, наверное, в школе не работали.

– Как-то не довелось, – согласилась Наталья.

– Поверьте, все лучше, чем работать в школе. Абсолютно все, – последнюю фразу она произнесла очень четко и чуть ли не по слогам. И снова улыбнулась.

Наталья подняла на нее глаза и впервые задержала взгляд. Всматриваясь в тонкие черты лица, округлый рот и холодные, кажущиеся безразличными светлые глаза, кажется, она поняла, чем привлекала девушка – обаятельной и обезоруживающей улыбкой. Такой, на которую всегда непроизвольно загорается в ответ. В ней ощущались внутренняя сила и спокойствие, эмоции, которые Наталья давно не испытывала на работе.

В кабинет вошел начальник. Не успел он раскрыть рта, как услышал:

– А ты все прогуливаешься, котик, муррр, – новая помощница буквально заурчала кошкой, – иди разогревай машинку, – девушка улыбнулась ему и игриво подергала галстук. – Поедем с тобой кататься.

Еле заметно улыбнулась Наталье, подмигнула, словно сообщнице, и утащила опешившего мужчину из комнаты. Вела себя с ним уверенно, словно точно знала, что делает.

Наталья еще раз заглянула в гороскоп: «Вас ждут интересные знакомства. Понравиться людям, оказывается, легко: достаточно вести себя естественно и непринужденно». Она раскрыла пасьянс, включила музыку и поставила чайник.

Уютная и комфортная жизнь

Объявление Игоря попалось им случайно: он по старинке разместил его в интернете, на одном из бесплатных сайтов между сочными тушками кроликов, межкомнатными дверьми б/у и детскими комбинезонами в пятнах и с потертостями.

Уже тогда продавали не квартиры, а ауру, как ее называли риелторы: уюта, покоя, богатства и уверенности в себе. Особенно ценилась аура богатства: даже если в кармане дыра, та придавала статуса, куража и помогала оформить еще несколько потребительских кредитов.

Новые многоэтажные дома больше не строили – нерентабельно. Слишком много в них происходило случайных убийств. После перекрывали лестничные пролеты и проводили зачистки, а затем ждали несколько десятков лет, пока аура полностью восстановится.

Больше всего ценились квартиры после одного жильца, в них ауру легче проверить на чистоту. Ей не мешали и на нее не влияли примеси от предыдущих жильцов, такие квартиры стоили особенно дорого.

Им просто повезло: Игорь переезжал в новый дом и срочно продавал старую квартиру. Дешевле, чем на рынке, но не за бесценок.

– Вы покупаете атмосферу счастливой семьи, – верещала его жена. – А вот что ждет нас, еще неизвестно. – И уже совсем снисходительно повторяла: – Хоть дети ваши поживут в нормальных условиях.

Детей они не планировали.

Вместе с квартирой отдавали подвал.

– Вещь необходимая в наши дни, – повторял Игорь. – Не сегодня-завтра начнется очередная война, будет где спрятаться.

Подвал оказался бункером: на полках ровными рядами стояли консервы, банки с чистой водой. Отдельно – полотенца, спирт и бинты, аспирин и еще какие-то лекарства, уже просроченные.

В подвале помещалось несколько человек. Правда, чтобы до него добраться, требовалось время, да и закрывался он только снаружи на массивный замок – небольшая недоработка хозяина.

С аурой все было в порядке, проверять нечего.

В проблемных квартирах к продаже готовились заранее: делали ремонт под ключ, после заселяли на время бесплатно молодоженов, чтобы создать видимость счастья и прикрыть убийство, изнасилование, педофилию и надеяться, что с ними ничего не случится.

В недорогих квартирах аура доставалась такой, как есть. Никто не смотрел.

А здесь просто повезло. Правда, расплачиваться за нее пришлось не только деньгами, но и нейронными цепочками. Ему был прописан покой, а после завершения сделки – восстановление здоровья. Кредитный калькулятор одобрил ипотеку.

Они очень старались найти квартиру в нужном районе, чтобы соседи были приятными, в подъезде – чисто и уютно, рядом с домом – экомаркет, булочная со свежим хлебом, велосипедная дорожка.

К тому же в центре, где можно обойтись без машины и не засорять лишний раз окружающую среду.

В хорошей квартире не могло произойти ничего плохого.

Наняли специалиста, который мог разобраться и обнаружить возможные следы насилия. Тот проверил помещение на следы крови и цвет ауры – в темноте побрызгал раствором, посветил с помощью специального прибора.

Квартира Игоря подходила по всем пунктам. Ее свечение было синевато-зеленым, казалось, таких уже не осталось. Ведь на них влияло все – соседи, экология, срок проживания, тяжелые болезни и смерть обитателей, даже от старости.

После оформления документов пригласили дизайнера, тот подобрал максимально экологичные материалы. Гамму выбирала жена, он не вникал, слишком много было работы.

Когда они въехали, радости жены не было предела: дизайнер учел все пожелания. Кухня и ванная были выполнены в ярко-красных оттенках, остальные комнаты оформили тоже насыщенными, неразбавленными цветами.

Только для кабинета она выбрала приглушенную гамму с темно-серой основой, чтобы не отвлекала от дел и не раздражала.

Он поцеловал жену и ушел работать. Молодец, справилась отлично. Он не смог вспомнить, кто она по профессии: так привык видеть ее постоянно рядом, так давно они не разговаривали.

Психолог с работы, чьи осмотры он проходил раз в неделю согласно договору с банком, рекомендовал разговаривать с ней хотя бы так же часто, как с ним.

– Это сближает, – сказал тот и закашлялся, что-то записывая в блокнот.

Через пару дней он вспомнил об этом совете, закрыл рабочую программу и вышел в кухню. Только что привезли ужин, жена раскладывала его на тарелки. Она слушала ток-шоу с плазмы на стене. Там рассказывали о семье, у которой родился двухголовый младенец.

– Нам так накладно его кормить, – жаловалась мать. – Приходится готовить еду на двоих. Наверное, мы избавимся от него, отдадим в детский дом.

Зрители в зале бушевали, призывая лишить мать родительских прав, посадить в тюрьму пожизненно, а ребенка сдать в трудовой лагерь.

Руки зачесались переключить на другой канал, но жена внимательно слушала, и он не решился. Она протянула ему тарелку с едой, села напротив, неотрывно наблюдая за происходящим на экране. Его она не замечала.

Ведущий обличал мать, которая не постеснялась провести ночь с двухголовым:

– На что вы рассчитывали, когда узнали о беременности?

– У нас в семье не было двухголовых, – ответила женщина. – Я не ожидала, что ребенок станет таким.

Жена смотрела на экран и утирала рукой непрошеные слезы. Разговора не вышло. Он быстро поел, встал и убрал за собой посуду.

По словам психолога, подобный подход характеризует его как слабого человека и демонстрирует желание убежать от проблемы. Рекомендовано поговорить с женой на следующей неделе.

На этот раз та сидела на диване и фотографировала педикюр. Он не хотел мешать и терпеливо ждал, пока жена закончит, но время шло и ничего не менялось. Она только тыкала в телефон и меняла позы.

Жена не замечала его, словно он был люстрой или стулом.

– Как прошел твой день? – все же решил попробовать он.

Та вздрогнула от звука чужого голоса. Повернула голову удивленно.

– Нууу, – протянула растерянно. – Я посмотрела телик, после вышла на пробежку и встретила соседку снизу с двумя детьми. Она спросила, где наши дети. Мой ответ ей не понравился.

– Что ты сказала?

– Что обычно в таких случаях, – она подняла бровь, всматриваясь в его лицо. – Мы против детей, планета перенаселена, и нет смысла увеличивать популяцию. А еще что наверняка она была стройнее до родов, а теперь не может сбросить вес. Все в пределах нормы для датчи-

ков агрессии, я проверяла, мои показатели не изменились. После я пошла в зал, и вот недавно только вернулась. Есть хочешь?

– Нет, спасибо, – он не понимал, как этот разговор мог что-то изменить в их отношениях. – Рассказать тебе новости?

– Я уже прочитала, – она махнула рукой, мол, все.

Он вернулся в кабинет к работе.

Психолог на этот раз похвалил его.

– Вы так и не узнали, кем она работает? – уточнил специалист, постукивая пальцами по колену.

– Как-то не было повода.

– Пусть это станет вашим заданием на следующий раз. И порадуйте ее чем-нибудь. Цветы, конфеты, что она любит?

По дороге домой он зашел в цветочный магазин, хотел купить тюльпанов или роз. Не мог вспомнить, когда дарил их жене в последний раз. Но конфеты та бы точно не одобрила.

Когда уже решил, что тюльпаны, на одной из полок заметил розовые цветы на фиолетовых ножках.

– А это, простите, что? – недоуменно обратился к продавцу.

– Новинка, – сухо ответил тот. – Берут редко, дорогие, – и презрительно взглянул на мужчину, оценивая его финансовое положение как несостоятельное.

Он взял три цветка.

– Без целлофана, пожалуйста, – и вышел вон.

Ее не было дома. Он прошелся по квартире, лег на диван, скатился с него, повалялся на ковре. Они не заводили домашних животных, поэтому с уборкой и запахами проблем не возникало – валяться можно было где угодно.

Вспомнил про цветы, не нашел на кухне вазу, пришлось взять какую-то дизайнерскую бутылку из коллекции жены.

Та вернулась через несколько часов. Он уже давно сидел в кабинете и был поглощен новыми делами.

О ее возвращении догадался только по грохоту из кухни, но быстро отвлекся на что-то более важное.

Когда он вспомнил о жене и пришел на кухню, та лежала на полу, а рядом – цветы с бутылкой. Ее лицо распухло, глаза буквально вылезли из черепа, ноздри и губы раздулись, как воздушные шарики.

Жена задыхалась. Она показывала пальцем в сторону одного из ящиков, до которого не могла дотянуться, даже двинуть рукой ей не удавалось.

Там лежала аптечка. Телефон замигал красным – аура в доме начала резко портиться. Предательски затряслись руки. Он открыл ящик, который заходил в руках ходуном, и начал искать лекарство.

Она задышала чаще. Он бросил коробку, поднял жену и попытался открыть ей рот, но ничего не получалось. Он не знал, за что хвататься.

Высыпал аптечку на пол, разбросал все лекарства. Где-то в углу кухни нашел шприц. Она утвердительно моргнула – то. Вколол ей в ногу. Жена отключилась. Он сел на пол.

Если вызывать «Скорую», то аура упадет, как при смерти.

Достал ложку, засунул жене в рот. Железо запотело. Поднял жену и отнес на кровать. Та не приходила в себя. Перевернул ее на бок, чтобы проще было дышать и не запал язык.

Вернулся на кухню, выпил. Включил телевизор, там шел повтор про двухголового ребенка. Выключил звук и стал смотреть на движущиеся картинки. Примерно через час экран завибрировал в его глазах красными вспышками- пятнами. Все окончательно помутилось, во рту появился неприятный привкус, стало подташнивать. Кажется, так описывали в учебниках безопасности первые признаки агрессии.

Он на минуту прикрыл глаза, но неприятные ощущения не исчезали – ярко-красные круги пульсировали еще сильнее.

Вернулся в спальню, посмотрел на жену. Та лежала в отключке.

Телефон мигал: аура краснела все сильнее. Через несколько часов об этом узнают соседи.

Он попытался успокоиться: пора вызывать «Скорую» или уже поздно? Наверное, аура квартиры окончательно испорчена, чего терять? С другой стороны, если она придет в себя, вдруг есть еще шанс?

Он злился все сильнее: на себя, на продавца в цветочном, на психолога, который влез в их когда-то уютную и комфортную жизнь со своими дурацкими советами.

Телефон запикал – уровень агрессии хозяина рос и влиял на квартиру. Он выбежал из дома и постарался отойти от подъезда подальше.

Датчики на магазинах и домах поблизости наверняка уже зафиксировали его состояние. А значит, его не пустят внутрь цветочного, если он захочет проломить голову продавцу: двери заблокируют, он не сможет ни войти, ни выйти.

Выбежал на дорогу и направился куда глаза глядят. Пришел в себя в частном секторе. Не помнил, как забрел сюда, ноги будто сами привели. Психолог заметил бы, что его вывела интуиция, ведь только здесь, в старых домах, еще не установили датчики агрессии.

Сел около забора: нужно отдохнуться. Кровяное давление пришло в норму, только нервная система сдавала – приложение на телефоне все еще мигало красным, он представлял опасность для окружающих.

Как раз вчера прошло очередное списание по ипотеке. Не стоило жертвовать нейронными цепями ради ауры, слишком высокой оказалась цена.

– Эй, – кто-то заорал с другой стороны забора. – А ну пошел вон отсюда, алкаш! Вызываю полицию!

Голос словно разбудил его, внезапно он ощутил невероятную свободу. Встал, пнул ногой калитку, та скрипнула, но с легкостью поддалась. Во дворе стояла маленькая грязная старуха и размахивала палкой.

Подошел к ней, схватил за шею, приподнял на полметра от земли и покачал в разные стороны, как детскую игрушку. Глаза ее раздулись, лицо покраснело. Старуха что-то захрипела, но было не разобрать. От нее несло алкоголем и кошками. Зашвырнул ее в даль двора и пошел дальше, не оглядываясь.

На душе полегчало, словно со старухой сбросил с души тяжкий груз. Показатели организма пришли в норму, даже нервная система. Он склонился над телефоном, насвистывая приятную мелодию.

Расслабился и не заметил, как получил по голове и отключился. Один подросток отбросил в сторону кусок трубы, второй поднял с земли телефон. Оба быстро проверили карманы, пару раз ударили ногами по его голове, а после разбежались в разные стороны, надвинув пониже капюшоны курток, чтобы не попасть в камеры.

Старуха быстро пришла в себя и выползла из-за угла сарая. Это был не первый раз, когда ее швыряли с такой легкостью. За годы семейной жизни успела натерпеться от мужа вешей и похуже. Зато она до сих пор жива, а он давно гниет в могиле.

Кое-как поднялась, нащупала на земле палку. Осталось войти в дом, а там можно сесть в кресло и не шевелиться до вечера.

За забором послышался грохот, шум борьбы. Наверное, опять Рустам с Колей. Вздохнула. Надо идти. С трудом, в несколько подходов добралась до калитки, выглянула. Мужчина лежал на земле без сознания, из раны на голове сочилась кровь.

Она оглянулась по сторонам. Конечно, камера на углу дома опять сломана!

Подошла к телу, порылась в карманах. Подростки не оставили ничего путного. Разве что... Она подняла правую руку, на безымянном пальце блеснуло кольцо. Она засунула палец с кольцом в рот и потянула руку на себя, поддалось с легкостью. Старуха положила драгоценность в карман и поспешила в дом.

– Сашенька, милой, – зашептала в телефонную трубку, сидя в любимом кресле. – Это Наталья Егоровна тебя беспокоит. Да, дорогой, снова чэпэ, – кивнула, отвечая на вопросы участкового. – «Скорую» я вызвала, но ты же быстрее дойдешь, пока те приедут. Лежит у забора, пришлый, не наш. Я проверила, пацаны все забрали. Ладно, буду ждать «Скорую».

С чувством выполненного долга повесила трубку и устроилась поудобнее в кресле. Сегодня покажут продолжение истории про двухголового мальчика из их района. Хороший мальчионка, на внука ее похож, Антошку.

Тоже двухголового, но его в телевизор не приглашали. Наверное, потому, что мать и родные в малыше души не чаяли. Когда крошечкой был, все время улыбался бабушке и ручки навстречу тянул.

Она была знакома с матерью того, другого, даже дала интервью, когда снимали сюжет, но пока его не показали. В прошлый раз Наталья Егоровна надеялась увидеть себя на экране, хотя бы на пару секунд.

Когда этого не случилось, у нее сильно скакнуло давление, и несколько дней старушка провела дома. Стеснялась знакомых, которых заставила смотреть передачу именно из-за своего появления.

Сегодня старушка сама настроила телевизор на запись, и, если интервью покажут, она точно ничего не пропустит. Как только появилась заставка, нажала на нужную кнопку, и запись пошла. Старушка откинулась в кресле, расслабилась и громко захрапела.

Ее двойник на экране помахал торжествующе палкой в пустоту комнаты.

I love you

Когда Софья поступила в роддом, младенческий крик казался ей милым предвестником новой жизни. Ровно сутки, пока не родила.

После наркоза детские крики отдавались эхом в ушах. Она слышала их постоянно, пока однажды все не стихло: в конце коридора раздался сильный грохот. Сердце замерло, Софья начала задыхаться: они уронили его.

Страхи, обитавшие на периферии сознания, ужасы, которые успела вычитать в интернете перед родами, жуткие картинки ожили и заплясали перед глазами. Хотелось сжать веки, чтобы оказаться в полной темноте, но образы возникали в обход зрения.

– Они уронили ребенка, моего ребенка, – повторяла она шепотом и тряслась под простыней.

Бежать отсюда, как можно скорее! Попыталась встать, обхватив рукой здоровенную металлическую подставку от капельницы, к которой был прикреплен катетер. Резко заболел шов на животе, упала, отключилась от боли.

Пришла в себя так же внезапно: в палату заглянула медсестра, принесла маленькое испущанное попискивающее бревно, обернутое в старые тряпки.

– Смотри, какая крошка! – протянула ребенка Софье. – Хочешь понянчиться?

С дочерью все с виду было в порядке. Медсестра оставила их на некоторое время вместе, Софья разбинтовала жесткую, как кол, ветошь и осмотрела ребенка. Никаких ушибов или следов травм на теле не нашла.

– Потерпи, пожалуйста, – попросила она дочку. – Я заберу тебя отсюда, как только смогу.

Ребенок молча сосал грудь, через пару минут уже спал. Софья тоже расслабилась и заснула. Когда очнулась, младенца рядом не было, за окном шевелились тени деревьев, в коридоре горел яркий свет, каждые двадцать минут мимо открытой нараспашку двери палаты проходил незнакомый человек и обязательно заглядывал внутрь. Дети снова начали орать.

– Тебе придется остаться здесь надолго. Так что привыкай, – сказал, сочувственно улыбаясь, главный врач. – Извини, я не смогу выписать тебя раньше.

Софья расплакалась. Она уже собрала вещи, чтобы ехать домой, к спокойствию, подальше оточных криков, которые не прекратились, даже когда она забрала ребенка из детского отделения в палату.

Каждую ночь Софья мечтала оказаться в своей кровати, дома, подальше от чужих глаз, замечаний и советов. Она просыпалась как минимум раз пять, чтобы покормить или переодеть младенца, – его ночной режим еще не устоялся.

Слышимость ночью усиливалась – шум сигнализаций в машинах на улице, стук мотора старого холодильника, крики детей в соседних палатах раздавались, не переставая, до самого утра, как мигрень, проникающая под кожу, под закрытые веки и вибрирующая там волнами, бегающая точками – красными, черными, синими.

Софья ходила в полудреме, раскачиваясь, по комнате, словно по палубе во время шторма. Как только начинало светать, палата серела и из черноты проступали контуры знакомых предметов.

При свете дня спать не удавалось – постоянно приходили врачи. Стоило закрыть глаза и немного расслабиться, как хлопок двери предвещал появление медсестры, которая заставляла повернуться на бок, чтобы сделать очередной укол.

С советами лезли все, особенно уборщицы. Они быстро объяснили Софье, что не по нраву заведующему отделением («Быстро убрала сумки с пола, а то Алексей Николаевич тебя

вмиг отсюда отправит!») и для чего предназначены разноцветные пластиковые ведра, неподъемные ящики и прочая мебель, расставленная, казалось бы, в случайном порядке по палате.

Тело словно принадлежало теперь роддому: над ним проводились различные манипуляции, значение которых порой даже не озвучивалось.

В какой-то момент Софье показалось, что она для персонала роддома – очередной предмет вроде ведра. Существует регламент по его эксплуатации, и обещанный индивидуальный подход – просто отношение к ведру как к ведру, а не ковшику или корзине. Наверное, только так, приняв их правила и превратившись в ведро, можно выжить в этом аду и спасти ребенка, решила она. Следовало детальное изучить все вокруг.

Палата считалась самой теплой в роддоме. Он был небольшой: при хаотичной смене рожениц в среднем в нем лежали десять человек. Большей частью в «индивидуальных родзалах», вроде этого, куда женщины в одиночестве заселялись, рожали, приходили в себя, а после возвращались в объятия родных сквозь град из конфетти и салютов, осыпавший их при выписке из отделения.

Главным сокровищем родзала была кровать. Никто толком не знал, как пользоваться этим громыхающим монстром, да и никогда не интересовался. Уборщиц и нянь больше всего восхищал пульт управления – совсем как у телевизора – с множеством кнопок, назначение которых, даже несмотря на понятный рисунок, им было неведомо, а нажимать самостоятельно они побаивались.

Сначала Софья разобралась с пультом, после обнаружила боковые ручки, которые шли от пола и крепились по обе стороны кровати. С их помощью получалось проще вставать, не надрывая исполосанный живот.

Раковин было несколько, рядом с каждой скотчем приклеили бумажные ленты с предписанием, кому следует в них мыться и какие именно части тела мыть.

Пол в палате сохранял тепло – под ней находилась сауна. По вечерам к входу в парилку подъезжали машины: агрессивные водители, разгоряченные алкоголем, иногда дрались за парковочные места, чаще всего это были женщины. Драка получалась нескладной – с резкими замахами, словно те тонули и изо всех сил старались выбраться, нелепыми шлепками, матерными словами, вылетающими с каплями слюны.

Санитарки посоветовали Софье повесить шерстяное одеяло на батарею, чтобы избавиться от духоты. Она открыла форточку и полила одеяло холодной водой – так в палате появился увлажнитель.

Однажды ближе к утру она услышала звуки драки в коридоре: несколько легких хлестких ударов, затем женский возглас, хлопок двери, тишина, и под занавес – громкий шепот двух санитарок, которые, похоже, оказались случайными свидетелями произошедшего.

– А докторица-то сильна на руку! – заметила со смехом первая.

– Я бы и помощнее вмазала, – разочарованно протянула вторая. – Если не воспитывал никто, шляется с кем попало, приносит в подоле, а потом государству на воспитание отдает. Лишь бы выпорхнуть поскорее отсюда, и дальше снова по мужикам.

– Ох, чего только кулаками махать, раз документы уже подписаны? Слыхала, палату велено отмыть утром, нам с тобой. Значит, все, перестанет мелкий голосить, отправят его в детдом на побудку.

– Все равно жалко ее, не повезло девке, – сочувственно заметила первая.

– Но бить-то мелкого зачем? – возмутилась напарница. – Нормальным так его не сделаешь. Кого родила… даун и есть даун.

У Софии похолодели ноги: вот почему ребенок за стеной так истошно орет. Вспомнила, будто слышала однажды звуки ударов. Тошнота подступила к горлу: как она могла спокойно сидеть, зная, что буквально за стеной творится такое!

Надо поскорее узнать, кто это, подумала Софья и специально пораньше вышла на общий осмотр. Бесцеремонно заглядывала во все кюветы, где лежали чужие дети.

В тот день мать ребенка она не нашла, ночью крики опять продолжились. Опять мучает, подумала Софья и вышла раздраженная из палаты в поисках источника звука. Показалось, что громче всего он раздается через стену. Из ровных всхлипов крик плавно перешел в истерические вопли, скоро малыш начал захлебываться и булькать, но вдруг резко замолчал, стоило только Софье приложить ухо к двери соседки.

* * *

Настя сожалела о том, что выбрала этот роддом. Изначально она планировала рожать дома, но не нашла специалистов, и родственники не согласились.

Довериться сотрудникам «Скорой» казалось безответственным. Она остановилась на варианте, где условия пребывания и уход соответствовали ее представлениям, как все должно проходить в подобных случаях. По крайней мере, слова врача в рекламных брошюрах и отзывы в интернете о больнице звучали вполне убедительно.

В реальности все сложилось не так, как она планировала: ребенок родился больше, чем показало УЗИ. Ни о каких естественных родах речи не шло, в итоге она получила свою дозу антибиотиков и лекарств, которых опасалась заранее, начитавшись страхов об экстренном кесареве.

О последствиях Настя знала не понаслышке, так как работала ЗОЖ-инструктором в районном йога-центре. Знала множество методик очищения организма от шлаков, систем питания, консультировала людей по БАДам, народной медицине и индийской кухне, да и сама жила по этой схеме много лет – никакого мяса, лекарств, консервантов, только органика и чистое сознание.

Ей нравилась простая жизнь, которая избавляла и от лишних проблем со здоровьем, и одновременно от ненужного, бесполезного общения.

Правда, судьба не складывалась, как будто отказывалась входить в обновленную колею: после перехода на правильное питание и всеобщий фэншуй все пошло не так и дальше становилось только хуже.

Понимающих близких было немного. По правде говоря, ее поддерживали только сотрудники. Мало кто мог продержаться в подобном режиме долгое время, не начав спора о целесообразности того или иного поступка или выбора.

Когда Настя забеременела, случайно, неожиданно для себя, поделиться новостью оказалось не с кем, кроме отца будущего младенца. Тот не обрадовался, но обещал помогать. Пару раз заходил в гости, гладил живот, говорил комплименты, но к моменту родов исчез.

О нем Настя больше не вспоминала. Несколько дней пролежала под капельницей, она потеряла много крови. Ребенка видела мельком во время родов – гигантский комок мяса с огромной мошонкой, весь перепачканный в черном дерьме («меконий» – единственное слово, которое вспомнила из обучающей программы по уходу за младенцами), после снова отключилась.

Сын не понравился ей с самого начала, он был точной копией отца. Ни одна черта не указывала на Настию. К тому же ребенок отличался от ее представлений о младенцах – толстых трехмесячных детей с упаковок подгузников или открыток. Их улыбающиеся лица она любила рассматривать на крутящихся тумбах в продуктовых магазинах.

Настя купила одну открытку в начале беременности, а в другие дни просто стояла и пыталась притянуть позитив, который те излучали. «Я тебя люблю!», «Давай дружить!», «Улыб-

нись!», «Поздравляю!», «Будь счастлив!» – фразы звучали как директивы, оставалось только подчиниться.

Ребенка, пока она не могла о нем заботиться, кормили химической смесью из жестяной банки. Молоко не приходило. Когда Настя наконец смогла немного подняться на кровати, облокотившись на локти, сына принесли насовсем. Он тужился и орал, становясь фиолетовым, пока она буквально не доползла до кювета, вынула малыша оттуда и приложила к груди.

Приложение на планшете учило, как правильно кормить ребенка. Бездушный электрический голос незнакомой женщины, у которой неизвестно, были ли свои дети и существовала ли она в реальности, повторял пошагово все действия.

В это время няничка мыла пол в палате, задевая шваброй шкафы и ведра. Закрыв глаза, можно было проследить за последовательностью ее действий по звукам. Один гулкий удар – шкаф с телевизором, четыре коротких – кровать, три четких гулких толчка – пустые ведра для грязной ветоши на полу. Настя повторяла этот трюк много раз, когда не хотела разговаривать и притворялась спящей.

Через пару дней она уже не воспринимала себя цельным человеком, скорее совокупностью разных функций: руки помогали приподняться с кровати, ноги переносили из точки А к точке Б, рот был проводником для больничной еды, пахнущей и выглядевшей как в школьных столовых, грудью она спасалась от криков сына.

Орал он часто, шум выбивал ее из сил больше всего. Малыш казался таким крошечным, но беззащитной перед ним чувствовала себя именно Настя – от него некуда было сбежать, чтобы остаться хотя бы на минуту в тишине.

Особенно остро она ощущала бессилие, когда часами носила ребенка на руках по ночам, стараясь укачать, успокоить, унять бесконечный вопль.

Однажды, не выдержав шума, прибежала медсестра, и Настя расплакалась, ей было стыдно за свою слабость и неприкаянность.

– Что я делаю не так? – спрашивала она у всех, кто заходил в палату.

Врачи и медсестры ее жалели, пожимали плечами, повторяли, что все скоро наладится. Как-то неонатолог даже забрала малыша на пару часов к себе.

– Постпи немного, – посоветовала Насте. – Я пока за ним присмотрю.

Она не знала, за что схватиться от радости. Спать уже не хотелось, откуда-то появились силы. Открыла блокнот с планом на жизнь после родов, какая она была наивная! Попыталась помедитировать, чтобы собраться с мыслями, но ее прервали – принесли обед.

От веганства пришлось отказаться сразу: врачи ее не понимали и не поддерживали, а санитарки буквально насилино запихивали в рот еду. У нее не осталось сил бороться.

Съесть обед нужно было максимально быстро, пока не остыл, иначе пластиковая бурда застревала в горле кусками холодного жира. После сразу вернули ребенка.

Настя думала, если выберет индивидуальную палату, то раз и навсегда избавится от общения с людьми. Но даже в небольшом роддоме их было слишком много: казалось, каждый спешил поделиться мнением по любому поводу, особенно самый общительный обслуживающий персонал, к которому Настя испытывала смесь презрения с неловкостью.

Каждый день не обходилось без ссор, за которыми наблюдал весь роддом. Даже в отдельной палате Насте не удавалось избежать подробностей.

Так, за обедом она узнала, кто ворует еду из столовой, на следующий день – чей ребенок не понравился детскому врачу, в какой-то из других – что думают нянички о ее соседке справа.

Сплетню про больного ребенка, которого отдают в детский дом, обсуждали несколько дней кряду, она переплюнула даже историю про Новый год в роддоме. Настя не видела ни малыша, ни его мать. Из разговоров догадалась, что обитают они в одной из соседних палат, большего знать не хотелось.

Слава богу, никто из соседок, с которыми она сталкивалась при ежедневном осмотре, общаться не рвался и даже сознательно не шел на диалог. Они выглядели слишком усталыми, слишком измученными для любых необязательных действий.

Дети кричали постоянно, но громче всех – ее ребенок. Поначалу Настя стеснялась окружающих, но в какой-то момент плонула на их мнение, лишь бы он замолчал. Иногда, в зависимости от смены, укачивать малыша днем помогали медсестры из неонатального отделения, вечером приходилось справляться самой.

Настя тряслася, раскачивала, пыталась сунуть грудь, чтобы остановить крики, приглушить их хотя бы на пару секунд, но ничего не помогало.

В этот момент идея отдать его казалась не такой уж и страшной, скорее, наоборот, вполне логичной. Ведь есть люди, кто мог бы лучше о нем позаботиться и кто спокойно переносит крик.

Предлагала бутылочку с водой, капли от колик, даже кусочек хлеба, но каждый раз в итоге сдавалась – клала в кювет и просто смотрела, как лицо ребенка краснеет, искается в уродливой гримасе, становится фиолетовым, покрывается пятнами разных оттенков, и примерно через час он замолкает, засыпает.

Болели руки, спина, шея, казалось, она уже не сможет никогда ходить прямо, только как вопросительный знак. Живот выпячивался вперед, и, глядя на отражение в стеклянном шкафу с малышом в пеленках из ветоши, она не узнавала себя: маленькая, пузатая фигура волокла в руках кулек из тряпок, ее волосы висели на голове жирными прядками, а локти торчали словно две старые, сломанные лыжные палки.

Только в то время сна сын казался ей лучше остальных детей. Он лежал спокойно, посыпая на руках, немного наклонив голову вбок, с легким светлым пушком волос, на солнце напоминающим лучи, обрамлявшим голову золотым сиянием, словно нимб, и длинными, закругленными ресницами. Казалось, он улыбался, когда спал. Состояние экстатического счастья длилось в совокупности минут сорок в день, а после снова начинался невыносимый ор.

Настя и раньше привыкла мало спать, утро начиналось с пяти, но не спать совсем она не умела. Примерно на четвертый день без сна ощущало пошатывало, когда она укачивала ребенка. Один раз даже чуть не упала, прихватило спину – положила малыша в кювет и прилегла на кровать.

Нужно собраться с силами, еще вся ночь впереди. Ребенок, как назло, орал все громче и громче. Настя задела рукой и уронила с кровати подушку, когда вставала. Качнувшись, подняла ее с пола.

Крик малыша перешел в ультразвук, он ощущался внутри пульсирующими ударами, бился в висках железными молоточками. Уши заложило, как будто нырнула и оказалась на дне реки. Только ровный гул.

Начало тошнить. Настя подошла к кювету с подушкой в руках. Голова шумела, все мысли словно испарились, эмоции тоже. Вот бы накрыть его подушкой, чтобы хоть секунду не слышать крики.

«Он все равно на меня не похож, – проносилось в голове. – Вырастет и уйдет. Зачем мучиться, если в итоге останусь одна?»

Уже занесла подушку, но резко одернула – в комнату ворвалась соседка и с криками «Ну сколько можно!» побежала к кювету.

Ребенок от неожиданности замолчал, соседка тоже остановилась в недоумении.

– Это ведь твой ребенок орет каждую ночь? – уточнила она.

Настя соврала – отрицательно покачала головой. Подушку спрятала за спину.

– У соседки справа, – наконец смогла выговорить.

Софья не знала, как поступить, гнев в ней сменился страхом и недоумением. Она присела на краешек кровати, откинув простыню. Закрыла лицо руками, сделала несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться.

Настя поставила чайник в предбаннике, принесла пакетики с ромашкой. Софья засуетилась, сбежала в свою палату и принесла печенье. Удивительно, но они не раздражали друг друга. Скорее наоборот, разговор успокаивал обеих.

– Вы с ней общаетесь? – спросила Софья соседку, указывая на стену.

– Да нет, уборщица на днях полы мыла, возмущалась, как так можно. – Настя в замешательстве постукивала пяткой по ножке кровати. Металлический холодок отрезвлял и напоминал, что происходящее не сон.

– Та, у которой сестра в коридоре детскими игрушками торгует?

– Бери выше! Там еще косметика китайская, – улыбнулась Настя. – Я только на четвертый день узнала, что ее в палаты непускают. И просто не нужно выходить в коридор, когда она приходит. Так что, вот, хвалюсь, – она со смехом достала из шкафа маленького кислотно-салатового зайца, обсыпанного стразами с кривой вышивкой на груди «I love you».

Протянула игрушку Софье, и внезапно на всю палату заиграл истерический канкан. Та от неожиданности выпустила ее из рук. Заяц конвульсивно запрыгал, ударился о стену, закатился за кровать, где колотился между плинтусом и плиткой до тех пор, пока не кончился завод.

Все включено

Больше всего на день рождения Алексей мечтал о книге. В кредиты влезать не хотелось, как и ограничивать жену с ее страстью к путешествиям. Книге следовало появиться в его жизни самостоятельно, как подарку.

Он следил за ее разработками с первых упоминаний в прессе. После подписался на научный канал, где наблюдал, как сначала книгу испытывают, а после адаптируют под разные менталитеты. И, наконец, выпускают в продажу.

Книга здорово обрушила рынок путешествий: никто не хотел больше ездить в другие страны и изучать незнакомые культуры. Зачем, если она вызывает те же эмоции, не выходя из дома?

Книга доказала, что никому до туризма нет дела и каждая новая страна для путешественника – лишь очередной крестик на карте мира, несколько сотен фото и видео на компьютере.

Она производила не внешние впечатления, а погружала человека внутрь собственного сознания, давала возможность изучить свои страхи и радости.

Первоначальная цена была космической. Алексею пришлось ждать несколько лет, пока популярность новой игрушки схлынет и снизится цена. Именно тогда он и заказал ее коллегам в подарок на свое 40-летие.

Жена немного скривилась («Опять твои подростковые приколы»), но была не против. Ее ожидала поездка к племени дикарей в малоизученной части Южной Африки. Она действительно любила путешествовать и не отвернулась от увлечения, даже когда это перестало быть популярным.

Собрала чемоданы и сына, попрощалась с мужем и улетела, оставив его с продолговатой гладкой коробкой в руках. Никаких названий, только большой черный бант сверху.

– Повеселись тут за нас, – и прощально махнула рукой, словно птица крылом.

Ради такого случая Алексей взял отпуск впервые за шесть лет. Собрал все неотгulyянные недели, словно готовился к самому большому путешествию в жизни. И вот оно, буквально в руках. Раскрыл коробку, внутри лежало множество устройств, а сверху – инструкция.

Быстро настроил, лег на кровать, включил очки и взял в руку пульт.

Перед ним стоял особняк. Детализация была потрясающей: он поначалу долго искалбитые пиксели или косяки разработчиков, но все выглядело более чем реальным, без лишней цветовой обработки и перекрученных контрастов.

Экспозиция тоже казалась натуральной. Небо было ясным, словно совсем недавно прошел мелкий дождь, и серое облако, которое трудно назвать тучей, так мало в нем было свирепости, быстро уносилось к горизонту.

Оно летело, оставляя за собой аромат свежескошенной травы, луга, видневшегося за деревьями. Ветер гладил верхушки диких кустов, пригибал вниз цветы и травы, и те словно кивали в сторону Алексея, приветствуя нового гостя.

Графика была очень плавной даже при максимальных настройках – ничего не тормозило и не сбивалось при резком движении в разные стороны.

У дверей ожидали швейцары – два молодых парня, чья внешность украсила бы скорее фасад здания. Жалкие ливреи, короткие штанишки и чулки придавали их образам комичность.

Алексей не знал, когда начнется история и что нужно для этого делать, поэтому просто прошел внутрь и поднялся на второй этаж.

Зал мерцал в отражениях десятков зеркал. В одном из них он разглядел мужчину средних лет, в цилиндре, коротком плаще с мерцающей при свечах белой шелковой подкладкой.

И вот уже засуетился возникший буквально из воздуха слуга: ловко, почти незаметно снял с господина плащ и головной убор, обнажив парик из коротких щетинистых волос. В мужчине во фраке с бантом на шее Алексей узнал себя.

Сияние люстр, заполненных тысячью свечей, напоминало подсвечники в церкви. Они источали жар, и слышалось легкое потрескивание.

Окна, высокие и узкие одновременно, были широко распахнуты: легкий ветерок сквозил по залу, захватывая огонь крайних свечек, но лакеи зажигали их вновь и вновь.

Справа на широком диване полулежала женщина в белом парике, напоминавшем откушенную с самого верха сахарную вату. В руках она держала гитару и пела что-то заунывное, кажется, ямайский блюз.

На широком подоконнике сидело несколько мужчин, они играли в карты и пили вино прямо из бутылок. По-русски говорили мало, в основном по-английски или по-французски. Один внезапно кинул свою колоду на пол и со словами:

– Да ну вас к черту, господа! – вышел из комнаты. Послышались выстрелы. Кто-то вскрикнул.

Вдали танцевали. Алексей бродил от одной компании к другой, после спустился вниз, а затем поднялся на самый верхний этаж.

Везде кипела жизнь: он успел подраться на шпагах на спор и ранить кого-то, сыграть в преферанс и не проиграть, продекламировать стихотворение неизвестного поэта, хотя с детства не мог запомнить ни строчки, и даже разбить пару бокалов «на счастье» о сверкающий пол, когда внезапно в кармане его зауженных брюк зазвонил мобильный.

Звук был таким оглушительным, что, казалось, звонок бился и вибрировал прямо в виске.

Все повернулись и начали шипеть, а дамы – махать на него веерами. Кто-то даже швырнул щепотку табака со словами «чур тебя».

– Тише, господа, – попытался урезонить присутствующих дворецкий, подходя к Алексею. – Похоже, не все читатели внимательно ознакомились с правилами библиотеки. У нас, – повернулся к нему вплотную, понизив голос, – в библиотеке не шумят. И телефоны мы ставим только на бесшумный режим, максимум – на вибрацию, – и указал на выход.

Алексей сбросил звонок и быстро сбежал с лестницы прямо в ночную прохладу двора.

Неизвестно, сколько он пробыл в особняке, но улицу освещал только свет окон. Он включил на телефоне фонарик и побрел вперед.

Неподалеку от дома стояла беседка. Алексей зашел внутрь, закрыв за собой металлическую дверцу, сел на деревянную скамью, спихнул в темноту чью-то раскрытую книгу и перезвонил на незнакомый номер.

Это был Толик, козлина, который не мог не беспокоить его в отпуске.

– Толян, ты чего там, вообще? Звонишь на личный номер, я тебе его не давал. Я в отпуске! – заорал он сразу, не успев услышать приветствие.

– Алексей Петрович, простите, что не вовремя, но у нас ошибка сервера. Я в этом ни бум-бум, – мужчина на другом конце трубки вздохнул.

– Так звони Борису, чего ты меня трясешь? – разозлился еще сильнее Алексей. Зауженный фрак неприятно давил и не давал вдохнуть полной грудью.

– Борис не доступен. Что мне делать? – на том конце трубки засопели еще активнее.

– Вечно ты, Толик, попадаешь в разное говно, – расстроился Алексей. – Чего там, давай быстро.

Анатолий подробно описал цепочку системных ошибок, которые привели к падению сервера. Когда тот озвучил сумму, которую фирма потеряла за несколько часовостоя, Алексей заорал снова на всю беседку.

Припомнил, что именно Толик по знакомству привел на фирму Бориса, который соглашался работать только на удаленке, так что пусть Толик и выкручивается.

– Откуда я тебе выну технического специалиста сейчас? – орал Алексей. Гитара давно стихла, как и голоса в особняке. Фонарь безопасности на беседке мигал красным.

– Простите, Алексей Петрович, возможно, я помогу, – к нему подошел цыган с торчащим изо рта золотым зубом, взлохмаченной шевелюрой, в белой рубашке свободного кроя, подпоясанный красным шелковым поясом. Из широких черных шаровар достал телефон и быстро набрал какой-то номер.

– Решаю вопрос, – сказал он и сразу переключился на Алексея. Фонарь над беседкой погас. Зацепив металлическую цепь за дверцу беседки, цыган зашел внутрь и быстро заговорил в мобильный, который протянул ему Алексей.

На цепи сидел медведь и флегматично постукивал лапами в бубен. Он хотел встать и пойти дальше, но цыган дернул за нее пару раз, и тот послушно сел на землю.

Алексей хотел тронуть медведя, но не решился. Цыган вышел из беседки, протянул ему трубку, поклонился и направился в сторону особняка.

– Может, партийку в вист? – предложил он Алексею перед уходом, указывая на яркое окно на верхнем этаже.

Тот кивнул:

– Только уточню пару деталей!

Голос Толика звучал победно:

– Петрович, все решилось, работаем!

Алексей отключил телефон и вернулся внутрь дома. Туда прибыли новые гости – начались пальба, черкесские танцы, кто-то из мужчин начал стрелять по свечам, дамы испуганно замахали веерами, но, когда это не подействовало, поспешно ретировались в сад.

Десятки свечей в прозрачных стеклянных подсвечниках мигали в их руках. Женщины расставили их везде – на траве, на старых камнях, у забора. Казалось, небо упало на землю.

Лакеи сутились и помогали, чем могли, но только запутывали всех и сбивали в полутьме с ног. Одна из женщин затянула длинную песню, под которую остальные то ли танцевали, то ли играли в ручеек.

Мерцающие фигуры кружились в полумраке, и Алексею больше всего хотелось, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Он наблюдал за происходящим с широкого подоконника.

Мужчины внутри играли в карты, после стали метать ножи. Один из победивших гусар предложил выпить с ним на спор. Начались гомон, шум, крики.

Дамы отправились в опочивальни, остались только самые трезвые мужчины, остальных слуги развели по номерам.

Алексея ждали мягкая кровать, перина, пуховое одеяло и бонусом – стрекот сверчков за окном, те пережили свечное нашествие и устроили в темноте свой праздник.

Утром камердинер принес завтрак и корреспонденцию. Среди прочего – счет от службы безопасности электронной библиотеки, решившей проблему с сервером.

– Хитер цыган, – ухмыльнулся Алексей и подтвердил оплату картой. Сегодня в его меню значились: церковная служба, три дегустации, праздничный бал и дуэль.

Алексей понимал, сюжет застанет его врасплох в любую минуту, ведь в книгах он зависел только от фантазии читателя (так писали в отзывах), но пока хотелось только получать удовольствие от происходящего. Он плыл по течению, соглашаясь на все, что предлагает книга, словно турист-любитель, заказавший первый тур «все включено».

Жаль, что в школе читал мало классики: фантазия не всегдаправлялась с созданием новых локаций. Приходилось прибегать к рекомендациям сервиса.

В первый день он подобрал в услужение классического Захара, заменив нерасторопную сенную девку, которая на предложение переночевать вместе краснела и глупо улыбалась, пряча лицо в ладонях.

За три дня до окончания ознакомительного срока пакета «Россия, XIX век» пришло уведомление, где были перечислены все возможности, которыми Алексей еще не успел воспользоваться. После его автоматически переводили на базовый аккаунт. Чтобы узнать сюжет его истории, следовало продлить аккаунт как минимум на три месяца, с полной предоплатой.

– Какого хрена вы не предупредили об этом раньше? – он пнул Захара. Тот завозился в углу, промычав что-то нечленораздельное. – Какого хрена, эй? – он посмотрел туда, где должна была висеть камера наблюдения.

В оставшиеся дни Алексей отыгрался на системе сполна, подключив все развлечения, которыми не успел воспользоваться. Список получился таким огромным, что времени на сон не оставалось. Поехать на охоту ночью? Легко! Пусть сами подстраиваются под его нужды.

Он не мог позволить им надурить его. О чем тогда рассказывать после жене и сотрудникам? Что он предъявит в качестве доказательства своего самого необычного отпуска?

Подключил все опции без разбору: детские, взрослые, для собак, извращенцев. К середине третьего дня больше всего хотелось оказаться дома на диване. Выспаться, посмотреть новости, заказать еду из китайского ресторана.

От водки, блинов, огурцов и прочего остро национального обострилась язва; от мишек, балалаек, кринолинов, романсов и гусар тошнило.

Он ненавидел всех, а больше всего себя, что согласился на это сомнительное развлечение.

Порка мужика – один из последних «способов досуга», который он выбрал не глядя, – оказалась очень кстати. Алексей был настолько зол на разработчиков и чувствовал себя таким уставшим от развлечений, что, не раздумывая, включился в новое, лишь бы поскорее все закончилось.

Взял в руки хлыст и бил им человека в костюме, изображавшего вора-крестьянина, до тех пор, пока тот не превратился в кровавое месиво. А после вышел из книги, не дойдя двух метров до финального чекпойнта.

Кража

Вечером у Михаила выпала очередная пломба и отломился кусочек зуба. Всего оставалось шесть «рабочих», как он их называл: два сверху и два снизу, а еще два главных – сбоку. Какое-то время можно было не беспокоиться.

Улыбаться Михаил не любил, да и поводов особо не возникало. Скорее наоборот: совсем недавно ушла жена, пришлось переехать за город в старый дом, который построил еще дед. Тут своих проблем полно: прежде всего починить котел, ведь зима на носу, так что было не до зубов.

Зуб откололся неприятно – острый кусочек стенки царапал щеку. Михаил записал на листке в прихожей «не забыть купить мазь», приkleил к зеркалу и лег спать.

Утром разбудил звонок на мобильный с неизвестного номера. Вызвали в полицию на опознание: умер давний знакомый. По словам женщины, которая представилась сотрудником органов, Михаил – один из последних, с кем разговаривал «потерпевший». Он прикинулся: прошло уже больше недели.

На узком деревянном кресле в коридоре приемной сидел, опустив голову, тучный мужчина. Услышав шаги, он словно проснулся, выпрямился, внимательно взглянул Михаилу в лицо и немного замешкался. Михаил хотел уже спросить, в чем дело, как тот вдруг сам представился, протянув руку с массивной золотой печаткой:

– Павел. – И пояснил: – Бывшие соседи по даче.

– Точно! – сразу расслабился Михаил. – А я все думаю, знакомы, что ли?

– Вот, вышел только что оттуда, – Павел махнул в сторону двери следователя. – Жену жду. Машину в сервис отдал, теперь ногами заново, как лох, учусь ходить. Как сам?

Михаил рассказал о переезде, планах привести дом в порядок, обустроить участок, сменить протекающую крышу. Посоветовался, каким металлом крыть, где лучше и дешевле всего оформить землю в собственность.

– Дерева купил, хочу переделать все внутри. Может, если попадется кирпич недорогой и работа будет, баньку к весне построю, – замечтался он.

Обрадовался, что Павел не стал интересоваться насчет работы и не высматривал лишнего. Меньше всего хотел рассказывать, чем занимается: не многие понимали и ценили его труд.

Чаще всего на вопрос о работе он отвечал уклончиво: «В строительстве», хотя на самом деле облагораживал участки вокруг могил, строил водопады, красивые компактные замки, сажал деревья, цветы.

Все проекты планировал и рисовал сам, на старом ноутбуке. Михаилу казалось, что он создает что-то вроде живописных полотен, делает мир менее однообразно серым, но жена называла супруга «могильщиком» и часто насмехалась. Ему не нравилось такое отношение, а еще что она спала с его компаньоном. Фирму пришлось закрыть, а Михаил стал искать новую работу.

– И где поставил баньку? У вас же там строить особо негде – посреди участка елка торчит, которую твой дед лет… сколько назад посадил? Двадцать. Двадцать пять?

– Вот спилию ее и поставлю баньку!

– Жалко елку-то! Помню, когда пацан еще был, хотел у вас ее срубить на Новый год для матери, но боялся спалиться. Отец бы точно избил. А ты спилить собрался.

– Жив отец еще?

– Нет, в этом году обоих похоронил. В аварию попали на трассе. Потом, как в сериале, через пару месяцев сына женил, – он вздохнул, вспоминая о внезапно забеременевшей девушке

сына. Тот повел себя как идиот – до последнего надеялся, будто день за днем растущий живот невесты со временем рассосется.

Да и девка попалась какая-то… слишком активная, как и вся ее семейка. Свояк доставал его всю свадьбу: чего ты грустный такой? Даже жена начала зудеть: да он по жизни такой, все время рожу кривит, все не по его. Напилась знатно. Когда, говорит, ты вообще улыбался или смеялся, я смеха-то твоего не помню счастливого.

Вытащила телефон, показала гостям фотки с пьянок. Вот он в трусах в цветочек поверх костюма-тройки и в парике скакет с начальством, изображая лошадь. Вот с накладной грудью прыгает на стуле. Везде рот натянут ниточкой, губ не видно вообще.

Помолчал.

– А помнишь, – улыбнулся вдруг Павел, – тот мой день рождения, когда мы сбежали к тебе за клубникой? Отец позвал гостей, у нас только ремонт закончился в доме. Обои модные поклеил, снаружи веранду пристроил, сейчас смешно так все это ворошить.

Детей на даче почти не было, одни взрослые. Павел сидел за столом в синтетическом сером поблескивающем костюме, который мать купила за дикие деньги. Потихоньку он зажаривался в нем заживо – солнце в тот день палило нещадно. Через несколько минут весь вспотел и начал пованивать.

Никто не обращал на него внимания, и это расстроило мальчика еще больше – что же, теперь так все время ходить, когда взрослым стану? Зачем вообще надевать клоунский целлофановый пакет, если всем по фигу? Вон, Катька соседская и та не на него, а на дядю, окосевшего от жары и пива, смотрит влюбленными глазами! Он же старый!

Взрослые водку хлещут, а ему только фанту да колу наливают, в сортир пять раз уже гонял. Гости пошли в дом, песни петь под магнитофон, отец как раз новый купил и кассет к нему модных, группы «Мираж». «Музыка наааас связала, тайною нааашей стала…» – продавец насоветовал, а тот и рад похвастаться.

Хотел спрятаться в сарае, чтобы после его нашли, извинились за свое поведение и подарили еще один подарок, ведь это его, его праздник!

– И тут внезапно ты пришел, – продолжил он, – в драных шортах, калошах в грязи. В прохладной речке, наверное, искупаться уже успел. Смотрю на тебя, завидую и еще больше истекаю потом. Бабочка душит, а как снять ее, не знаю.

Павел только сейчас осознал – Мишка даже не звал его, он сам напросился на старую дачу. Ели клубнику, купались в ледяной речке, слушали, как жабы орали друг на друга в восторге и прыгали в воду, расставив во все стороны лапки.

Солнце стояло высоко в небе. Его лучи пробивались сквозь ветви яблонь, которые Мишкин дед посадил лет пять назад через каждые полметра на участке. Везде, куда ни глянь, висели сочные, хрустящие красные яблоки.

Ветви сгибались под весом почти до самой земли, и яблоками лакомились мелкие грызуны, обитавшие на даче.

Кожа нагревалась так быстро, что, когда кто-то из мальчишек нырял в воду, казалось, она слезет, как шкурка у ящерицы.

В прозрачной прохладе тоже кипела жизнь – вокруг ног кружились стайками мелкие рыбки, иногда у кромки воды проползал уж, по зеркальной поверхности скользили жучки, рассекая лапками словно профессиональные конькобежцы.

На обратном пути Павел изодрал об торчащие ветки праздничный костюм, хотя отчаянно старался сохранить первозданный вид, перед этим прополоскав его в реке и даже подсушив. Утром он аккуратно снял бабочку, но сразу потерял где-то в кустах и так и не нашел.

Как только стемнело, мальчишки залезли на самое высокое дерево и смотрели, как гости ходили по участку Пашкиных родителей и блевали украдкой, кто куда горазд.

Когда он вернулся домой, гости уже разошлись, а родители спали. На следующий день отец с похмелья избил Пашку за то, что тот порвал костюм и запачкал ягодами, мать не смогла его отстирать. Полоски от ремня неделю сходили с кожи.

– Я тот день во всех деталях запомнил, – улыбнулся Павел. – Встретил тебя и понял, когда я еще рожу кривить не научился. Счастливый был.

Из кабинета следователя вышла неопрятная женщина. Она вызвала Михаила на допрос, в ходе которого толком ничего не узнала. Зато рассказала, что знакомый умер от алкогольного отравления «во время распития спиртных напитков ненадлежащего качества». Жил он один, поэтому помочь было некому. Пролежал в квартире около недели, пока трупный запах не почувствовали соседи по площадке и не вызвали полицию, которая, в свою очередь, провела формальную проверку причин смерти.

На вопрос, откуда они знакомы, Михаил ответил, что покупал у погибшего стройматериалы и именно поэтому звонил в тот день. Не уточнил, правда, что знакомый воровал все на местной стройке, где возводили новый молл, а продавал за треть цены «по дружбе». Пил уже давно, но Михаил никак не мог ему помочь – мужчина потерял жену. Следователь задала еще пару формальных вопросов и отпустила его.

В коридоре уже никого не было, только на одном из стульев лежал мобильный телефон. Забыл ли его Павел или кто-то еще, Михаил не знал: попытался включить, но требовался пароль. Он огляделся – камер нигде не висело, людей тоже не наблюдалось – и положил телефон в карман. Рукой ощутил холодок металла, значит, дорогой.

Неподалеку от полицейского участка стояла мастерская по ремонту телефонов, планшетов, ноутбуков. Михаил продал там находку за пятую, а может, и десятую часть цены. В телефонах он не разбирался, торговаться не хотелось, взял столько, сколько предложили. Теперь можно было не задумываться несколько дней о поиске работы.

Купил на улице у старух немного квашеной капусты, тыквы. Дома потушил тыкву с мясом, налил водки и только начал есть, как вспомнил, что не зашел в аптеку за мазью для щеки – изнутри она сильно распухла, жевать было просто невыносимо, к тому же угол зуба царапал язык.

Почувствовал себя недоделком: именно так называла его мать, когда сердилась. Только у него в семье с детства были проблемы с зубами. У родителей – никогда, те просто шли к стоматологу и вырывали их.

«Дела идут, контора пишет», – повторял отец и щелкал пальцами, хвастаясь, вот, мол, как быстро справляется с ней. Однажды он умудрился вырвать себе большой зуб плоскогубцами на даче. Мужики по соседству потом неделю ходили смотреть на местную знаменитость. После отец положил зуб в небольшую коробочку из-под чая, где хранил рыболовные крючки, и иногда доставал, когда хотел похвастаться перед новым знакомым.

Мать все время посмеивалась над Михаилом, когда тот жаловался на зубную боль: «Запишись на прием в поликлинику, если ты такой недоделок». Он переживал, что совсем не похож на родителей. Подростком думал, будто его усыновили и теперь жалеют, как дворовую собаку, которую жалко выгонять на улицу.

Выпил водки, промочил ею кусочек ваты и приложил к ранке для дезинфекции. Лег спать, надеясь, что завтра точно не забудет съездить в город, чтобы купить злополучную мазь. Уснуть не мог: встреча с Павлом растормошила в нем воспоминания о детстве, вещах и событиях, которые, казалось, он уже успел забыть.

Из своего дачного прошлого он запомнил только необытные картофельные поля и колорадского жука, которого дед заставлял снимать с кустов в самый солнцепек и кидать в консервную банку с керосином. Предательски потели ноги в резиновых сапогах, от вони кружилась голова, в глазах бегали черные мошки. Взмах ресниц вверх – и они устремлялись на север, взмах вниз – осипались, как осенние листья.

Детей своего возраста он видел издалека и только по выходным, когда тех привозили родители к старикам на соседних участках.

Телевизор не работал, только радио, но и это неплохо, ведь смотреть там было нечего. Особенно его раздражали кукольные мультики по русским народным сказкам, где волки, медведи, лисички, зайцы, бобры, кроты и другие животные делили добро или боролись за справедливость.

Одно он не мог понять, как тот человек угадал про елку? Ведь это единственная правдивая деталь из его прошлого, которая совпала с воспоминанием Павла. Михаил встретил мужчину впервые в жизни и просто подыграл, когда понял, что тот перепутал его с кем-то другим.

Хотелось хоть понарошку стать частью воспоминания о счастливом детстве, примерить его на себя глазами другого человека, воплотиться в нем.

Ведь настоящий владелец никогда не узнает об этой краже.

Иисус спасает всех

Тормозная жидкость подтекала: Олег не успел починить машину. За пару дней ушло три бутылки. Нужно возвращаться домой, а по дороге заехать в супермаркет в районном центре. Не заглохнуть и не увязнуть бы в канаве, там точно никто до лета искать не будет.

Включил радио, чтобы отвлечься. Ведущий тараторил: его речь казалась бесконечной, рваной мелодией, словно волны под напором ветра в зимнем море. После наконец заиграла музыка. Впервые за много лет Олег услышал *Jesus to a Child* Джорджа Майкла.

Он сжал крепко руль. Воспоминание вызывало одновременно радость и щемящую грусть: сдавливало и першило горло, подергивались пальцы. Сразу представил здоровенный квадратный телевизор, перед экраном которого, подростком, сидя на полу, смотрел, едва ли не разинув рот, как певец исполнял эту композицию в 94-м у разрушенной стены в Берлине, весь в черном, перед огромной толпой народа.

Олегу тогда было лет двенадцать, он слушал «Нирвану» и считал, что все – тлен. Он почти ежедневно сидел у Оксика на кухне и рассуждал на этот счет. После они лепили пару бутербродов с колбасой, забивали ими рты и играли в приставку, злобно выкрикивая что-то нечленораздельное.

В тот день распорядок поменялся: на кабельном началась прямая трансляция вручения европейской премии MTV.

Они ждали панка и радости. Хотелось попрыгать перед телевизором, поорать в экран, но тогда речь шла только о Берлинской стене: прошло пять лет с момента ее падения. Трансляция велась по-английски, напрямую, но друзья все понимали – английский был едва ли не единственным предметом, по которому у обоих стояла твердая четверка.

Спустя годы знание языка было окончательно утрачено, и сериалы скачивал, выбирая между двумя сравнительно бездарными студиями, а не субтитрами на языке оригинала.

Они буквально прилипли к экрану, когда на сцену, весь в черном, вышел певец. Люди замолчали и только помахивали руками или зажжёнными зажигалками. Майкл пел тихо, его голос словно отражался от слушателей, и звук казался громче, хотя стояла полнейшая тишина.

Он пел о том, что, когда находишь настоящую любовь, та подобна любви Бога к своим созданиям. Эти слова были настолько точны, что вся веселость у друзей испарилась. Они замолчали и завороженно слушали, слившись с толпой из сотен тысяч человек, которая ловила каждую ноту.

После ведущие даже не пытались шутить, слишком сильное впечатление произвела песня. Это было понятно и за тысячи километров, в маленькой двушке панельного дома спального района, по неловкому молчанию двух подростков, которые не знали, о чем разговаривать дальше.

Олег зашел в ванную и немного поплакал, открыв кран на полную. Он не понимал, что происходит, поэтому сказал, что его сильно тошнит, наверное, отравился, и спешно ушел домой.

Как раз в то время он познакомился с Оксаной. Олег переходил в другую школу, и она была первой, кто встретился ему на подготовительных курсах. Правда, Оксана не обратила на худого, сутулого парня никакого внимания. По непонятным подросткам причинам после курсов в школу ее не взяли, а Олег продолжил обучение, которое впоследствии ничего ему не дало.

– Надо как-то привлечь ее внимание, – наускивал друга Оксик. – Прыгни, что ли, на нее.

Олег поступил умнее: он попросил прислать фото «на память», дать телефон и имейл, не постеснялся. Свой адрес он старательно нацарапал огрызком карандаша на обрывке от сига-

ретной пачки, ничего приличнее в кармане не нашлось. Правда, назвал его «емейлом», но в то время многие так говорили. Она только хмыкнула, но координаты оставила.

Она прислала фотографию, вернее, скан фото с учительницей по электронной почте. Контраст был невероятен: яркая, очень красивая пепельная блондинка лет 30 и серая, ничем не примечательная девочка лет 17 рядом, в кроссовках, спортивной футболке и юбке с воланами. Олег влюбился сразу.

После еще больше, когда узнал, что она слушает Джорджа Майкла. Хотя у кого не было его кассеты в 90-е?

Лето текло неторопливо, словно густое топленое масло переливали из кастрюли в глиняный горшок. Пока Оксик жарил на соседней стройке очередную девку, Олег сидел с Оксаной в песочнице и слушал магнитофон друга.

Там, будто специально для подружек Оксика, стояла кассета с одной песней, которая шла по кругу: что-то про лебедей и утраченную невинность. Певица спрашивала, почему они улетели и не предупредили, что дальше по жизни ее ждет только печаль.

– Смотри, кажется, ежик, – сказала Оксана, показывая в угол песочницы.

И правда, тот свернулся в углу, совсем крошечный, размером с детскую ладошку. Скорее всего, сбежал от юного натуралиста и забрел на детскую площадку, в надежде спрятаться. Как будто именно про него шла речь в песне, которую слушали подростки.

Олег взял зверька на руки и улыбнулся. Шанс встретить ежика во дворе, забитом под завязку машинами, застроенным гаражами, где единственным свободным местом оставалась небольшая песочница, был равен нулю. Он мял этот маленький комок, который даже не сопротивлялся, и радовался жизни, ее непонятным, совершенно непостижимым проявлениям.

После окончания школы нужно было куда-то поступать. Оксана хотела в медицинский, Оксик – в военную академию, и только Олегу было пофиг. Все изменилось, когда случайно погиб Оксик. В тот день они взяли книжки и сказали родителям, что пойдут к Оксане, готовиться к экзаменам, но на самом деле поехали на пляж – не пропадать же лету.

Оксику просто не повезло: он нырнул, а когда показался на поверхности, случайно ударился головой о проплывавшую мимо лодку. Он был совсем немного пьян, буквально чуточку. Парня искали долго. Олег с Оксаной сидели на берегу даже после того, как окончательно стемнело. Олег остался бы и дольше, но обещал проводить девушку домой.

Тело нашли несколько дней спустя. Парня хоронили в закрытом гробу.

Оксана не поступила в медицинский, не хватило баллов, но попала в пединститут, там брали всех. Олег тоже никуда не мог устроиться, его баллов не хватало нигде, а денег для обучения на платном у родителей не было. В порядке бреда пошел в семинарию, лишь бы не забрали в армию.

Первым пунктом Олега ждало собеседование, к которому он оказался совершенно не готов. Священник сложил руки и протянул Олегу. Тот немного помялся, пожал обе и сел напротив.

– Что привело тебя к нам? – спросил с улыбкой батюшка.

И тут Олега словно прорвало. Вместо того чтобы рассказывать, убеждать и производить впечатление, он задавал вопросы о том, что сильнее всего беспокоило, – про умирающих детей, про случайные смерти, про несправедливости и войны и, наконец, про Оксика.

Сначала священник немного морщился и отвечал однозначно, но вскоре втянулся в разговор. Казалось, в какой-то момент ему захотелось переубедить или хотя бы успокоить парня.

Все, что Олег знал о Боге, – песню Джорджа Майкла. Признаться в этом не мог, выдавать себя было стыдно. К тому же как раз в этом году случился скандал, и весь мир узнал об ориентации певца, а с этим в церкви было строго, не стоило даже заикаться.

Через несколько дней в семинарии вывесили списки тех, кто прошел собеседование. Олег был уверен, что его там точно не окажется, поэтому сидел дома и смотрел телик. Оксана не

поленилась, сходила и сфотографировала его результаты в списке на новый цифровой фотоаппарат. Получилось не очень четко, но не перепутаешь: его ФИО стояло одним из первых. Он сильно удивился.

К остальным экзаменам он уже готовился сознательно и с каким-то тайным азартом. В него поверили! Ему дали шанс! Такое случилось впервые в жизни. Не упустить бы этот шанс, доказать, что способен на большее.

Песня на радио закончилась, и ведущий опять затараторил что-то на своем космическом наречии. На улице начался дождь, потоки ветра направляли его то в одну, то в другую сторону.

До райцентра Олег доехал быстро, одно колесо тут, другое – там. Весь в грязи, но это деревенские ездили туда, наряженные, как на праздник: в белых рубашках, гладеньких джинсах со стрелками, чистых ботинках. Ему было не до прогулок: купил все необходимое – и дальше в путь.

Добирался до дома с трудом: дороги – кривые, ухабистые, машина постоянно попадала в ямы и громыхала, словно старая алюминиевая кастрюля. Водить Олег начал недавно, опыта не набрался.

Семья жила в небольшом, слава богу, каменном доме всего ничего – пять лет, шел шестой, но привычек по ведению хозяйства у деревенских они не переняли, да и друзей новых не появилось.

При случае норовили с женой убежать в город, к близким, понимающим людям. Здесь, в окружении старух и вечно полупьяных мужиков, требовалось только вести себя под стать сану, вернее, так, как местные привыкли представлять священников. Никто не интересовался ни футболом, ни политикой, и поговорить Олегу было не с кем.

Поздно вечером приезжал домой из храма, подключал мобильный интернет, выходил в фейсбуки, читал спортивные новости, писал друзьям. Высыпаться не получалось ни ему, ни жене: среди ночи кто-то из детей обязательно начинал ерзать, будил других, приходилось укладывать каждого, так и наступало утро.

Жена ничего не сказала, когда пришла пора распределяться и его назначили в эту деревню. Дом семье нашли быстро, он остался от прежнего священника, который прожил тут 60 лет. По ощущениям, с тех пор прошло не меньше.

В порядок строение приводили почти год: не было ни нормальной канализации, ни газа. От дома осталось только хорошее кирпичное основание, построенное еще в XIX веке.

Тогда их было трое: он, жена, маленькая дочь. Будущее казалось далеким и бескрайним, словно пустыня, не то что сейчас. Когда венчались, он пообещал Оксане, что добьется для нее всего. Она заслуживала самого лучшего. Но одно дело сказать.

После нескольких лет такой жизни жена сильно изменилась. Стала чаще кричать на него, иногда закрывалась в ванной, были слышны всхлипы. За первым ребенком она ухаживала с радостью, восторг вызывало каждое изменение, сопутствовавшее росту. Часто делала фотографии, выкладывала в контакте, радовалась каждому лайку – прибегала и рассказывала мужу.

Со временем она словно охладела к детям: спокойно слушала, как они орут, пока не вмешивался Олег. Уходила из дома на полчаса и даже час, оставляя их одних внутри. Она словно спряталась где-то глубоко внутри себя и больше не хотела выходить наружу.

Олег понимал: нужно что-то менять. Просто так хороший приход никто не даст, нужно выслуживаться. Сегодня пришло наконец уведомление, которого он давно ждал, – его зачислили в академию!

Теперь многое изменится, помимо высшего образования у него появится степень! Такие священники на дороге не валяются. Осталось рассказать жене.

Только бы добраться до дома. Машину немного уводило вбок: у предыдущих хозяев она пару раз попадала в ДТП, и собирали ее буквально по частям, самым мельчайшим. Оксана считала, это плохая примета, приходилось ругать ее за суеверие.

За окном пробежал лось, помахивая рогами. Как он тут оказался, почти в полной темноте? У нас с ним много общего, подумал Олег. Шатаемся непонятно где. Наверное, и у него дома все уже заснули, не дождались.

Чаще всего, когда он возвращался из храма, все либо укладывались спать, либо уже спали. Приходилось тихонечко пробираться в комнату, где на большой кровати Оксана спала в обнимку со старшей дочерью.

Личное пространство исчезло. Все свободное время жены, да и его уходило на воспитание детей. Хотя это больше напоминало сосуществование, когда уединиться не получалось даже в туалете. Оно забирало все силы, энергию, возможности. Правда, и возвращалось втройне.

Больше всего Олег боялся смерти – своей и близких. Он не мог позволить себе оставить жену одну с кучей детей. Поначалу им помогала ее мать, после переездаправлялись сами, но на это уходило столько сил, что иногда, особенно по утрам, Олег плохо понимал, где находится.

Как-то один из сыновей сильно капризничал, и Олег не спал всю ночь. Утром при крещении несколько раз назвал ребенка вместо Иоанна Анной, много раз ошибался в молитвах и чуть не заснул за рабочим столом – разбудил телефонный звонок. Такие ситуации повторялись все чаще и вскоре стали обыденностью.

Прихожане заходили в храм каждый день, многие задавали вопросы о Боге. Олег знал, что отвечать на большинство из них, но как им объяснить, что слов недостаточно, важнее – воплотить их в реальность. Все ответы были даны много лет назад, а человек так и не научился жить по заповедям.

Советовать им читать Священное Писание бесполезно, он пересказывал сюжеты своими словами.

Вместо дождя пошел мелкий град, холодные микроскопические капельки забились в окна. Видимость ухудшилась настолько, что Олег в какой-то момент забыл, где находится, и, кажется, свернул не в ту сторону.

Пришлось остановиться, выйти и включить геолокацию на телефоне, GPS в машине не было. Программа тормозила и подвисала. Сел в машину, завелся, правда, не сразу. Серые облака, казалось, опускались ровно на плечи, дождь колотил по лицу, словно пощечины миллионов крошечных отвергнутых возлюбленных.

Телефон ожила, и карта показала, что завернул Олег точно не туда. Придется возвращаться к лосю, да и сам он – тот еще лось. «Как будто трудно было выехать раньше?» – спросит Оксана и окажется снова права.

Прямо перед фарами пробежал кто-то мелкий. Он не заметил, прошляпил и резко повернул руль. Ну, привет, овраг. Придется снова звонить деревенским, чтобы вытаскивали. Открыл телефонную книгу, номеров местных было немного. Как правило, они состояли из двух слов – имени и рода деятельности человека.

Здесь были и Миша Рыбак, и Володя Слесарь, и более оригинальные сочетания вроде Лехи Алкаша и даже Сереги Бандита. Они либо помогали чем-то, либо приходили на исповедь, когда их действия расходились со статьями УК. Ведь кроме него поделиться и посоветоваться в деревне было не с кем.

Такому не учили в семинарии: Олег находил слова в разговоре об убийстве, изнасиловании и любых других разновидностях жестокости, которая воспринималась деревенскими как рядовое явление, менее значимое, чем пожар или смена времен года.

Наугад выбрал Рыбака, но тот не брал трубку. Прошелся по всем номерам, ответил только фермер Коля, но он несколько дней не выходил из запоя. Олег попросил не приезжать, хотя тот очень рвался. Не от дружелюбия: недавно купил новый внедорожник, появилась возможность проверить машину на прочность. Насилу отговорил.

Вариантов не оставалось, пришлось звонить в город. Часов через пять, если выехать сразу, до него доберутся. Дома будет к раннему утру. Стоило ли возвращаться? Позвонил жене, предупредил, что останется ночевать в храме, пусть не беспокоится.

Набрал друга из семинарии, тот обещал подъехать. Оставалось сидеть в машине и смотреть, как крошечные точки воды собираются в жирные капли и стекают длинными, искривленными полосами по стеклу. Под монотонный шум дождя он уснул.

Проснулся от холода: он лежал на земле, машина стояла рядом. Около копошились два незнакомых человека.

– Да хрена с два, – шептал один другому. Видно, старались его не разбудить. – Больше возни, если по частям, лучше целиком.

– Эй, – позвал Олег.

Мужики обернулись и явно разозлились.

– Я же говорил, что не бухой, – вскрикнул тот, что помоложе.

– Заткнулся, – приказал второй. – Все попы бухают.

Он ушел, хромая, куда-то в темноту. Олег встал и подошел к первому парню. Открыл было рот, чтобы рассказать, почему тут оказался, как почувствовал затылком сильный удар.

Он лежал на земле, изо рта шла кровь. Прикрыл глаза, притворившись, будто отключился. Подсмотрел этот трюк на канале National Geographic, еще когда учился в школе, тот всегда срабатывал.

Мужчины немного поковырялись, но в итоге вытянули с помощью своей машины его тарантаску. Один сел за руль «девятки», другой повел их общую добычу. На Олега они не обратили внимания.

Хотелось кричать от боли, но не было сил. Он сел, опустив голову на колени. Через несколько часов подъехал Петр. Хорошо, что Олег отправил геоданные, только так другу удалось его найти. Крови натекло много, пришлось заехать в ближайшую больницу, зашить рану.

Олег знал, что еще встретит этих людей: лица были незнакомые, но не так далеко он отъехал от своей деревни. Увиделись слишком быстро: через несколько дней его пригласили на отпевание. Голова болела, врач диагностировал небольшое сотрясение, но от работы отказаться он не мог – заменить Олега было некому. О переезде даже заикаться не стоило.

В гробу лежал тот, кто помоложе. Причина смерти: ДТП, на трассе отказали тормоза.

На кладбище собрались родственники погибшего. Пришел и тот, кто удариł Олега по голове. Мужчина посмотрел на священника замыленными, остекленевшими глазами. Кажется, не узнал. Судя по запаху, он давно не выходил из запоя: насыщенно-красные белки глаз с причудливым рисунком вен, словно сибирских рек на карте России, сливались по цвету с внутренней обшивкой гроба.

Олег не злился на грабителей. Он догадывался и раньше, что машина требует ремонта и авария могла произойти в любой момент, но не сумел бы предупредить их об опасности. Смотрел на родственников парня. Лицо матери опухло от слез и выглядело помятым и постаревшим, хотя ей было не больше пятидесяти.

Казалось, что это и не человек вовсе, а уродливая фигурка домового, вырезанная из дерева. Таких продают в недорогих супермаркетах: с глубокими, резкими морщинами по всему лицу, сгорбленная, измученная домом и семьей, и обязательно в шляпе идиотской формы.

Рядом стояла молодая блондинка лет двадцати с годовалым ребенком. Обручального кольца на руке не было, и она не плакала. Просто стояла и смотрела под ноги, словно вынужденно прощалась с отцом ребенка в последний раз. Когда гроб забросали землей, она как будто даже вздохнула с облегчением, но, может, Олегу просто показалось.

Среди статистов было много тех, кто называл себя стритрейсерами, – молодых парней в спортивной одежде черного цвета. Они крутили брелоки с ключами от прокачанных тачек,

после внезапно крестились на свой лад, то справа налево, то слева направо, иногда доставали большие крестики на жирных цепях и страстно впивались в них.

В конце церемонии каждый из парней старался облапать девушку погибшего, но не столько из желания принизить, сколько проявляя искреннее сочувствие и пытаясь приобщиться таким образом к общей потере.

Через неделю похоронили и второго грабителя: не выдержало сердце.

Олег охладел к творчеству Майкла в 98-м. Причиной стал эпизод, который обсуждали даже поциальному телевидению: певца застали в общественном туалете за «совершением действий сексуального характера» с незнакомцем.

Общественность бушевала и требовала отповеди. Ею стал клип на песню *Outside* – ироничный призыв заняться сексом в публичном месте, где обыгрывались многочисленные человеческие странности и увлечения.

Заканчивался ролик простой фразой: Иисус спасает всех. Олег не уловил тогда, как ситуации, когда человек раскрывается во всем своем безобразии, могут быть связаны с Богом.

Кажется, именно на кладбище, глядя на одинокие, одинаковые могилы людей, чьи имена он узнал только на отпевании, он наконец-то понял ее значение.